

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра конституционного права

Актуальные проблемы нормотворческой деятельности
и правоприменения в Беларуси

Материалы II Научного семинара аспирантов, магистрантов и студентов
Минск, 15 января 2022 г.

Минск
2022

УДК 34(476)(06)
А 437

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
28 февраля 2022 г., протокол № 7

Редколлегия:
Василевич Г. А., Киселёва Т. М.

Рецензенты:

Щербик Д. В., кандидат юридических наук, доцент, председатель Совета
НИРСА юридического факультета БГУ;

Ладутько В. К., кандидат юридических наук, доцент, заместитель
начальника Центра системного анализа Белорусского государственного
экономического университета.

Актуальные проблемы нормотворческой деятельности и
правоприменения в Беларуси : материалы II научного семинара аспирантов,
магистрантов и студентов, Минск, 15 января 2022 г. / БГУ, Юридический фак.,
Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич, Т. М. Киселёва]. –
Минск : БГУ, 2022. – 81 с. – Библиогр. в тексте.

В сборнике размещены статьи аспирантов, магистрантов и студентов
кафедры конституционного права юридического факультета БГУ,
посвященные актуальным проблемам развития нормотворчества и
правоприменения в Республике Беларусь с учетом современных тенденций
развития государства и общества.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВЕДЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦОМ

Басалай Вероника Ивановна

*соискатель 2 года обучения юридического факультета Белорусского
государственного университета, veron_bas@mail.ru
науч. рук. - Ладутько В. К., канд. юрид. наук, доцент*

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица в глобальной компьютерной сети интернет неустановленным лицом. Рассматривается пример судебного способа защиты деловой репутации юридического лица в случае распространения таких сведений неустановленным лицом. Именно факт нераспространения срока исковой давности на данную категорию споров позволяет обеспечить способ защиты субъекту хозяйствования (юридическому лицу). Рассматривает способ защиты (доказывание, обоснование) заявленных требований в судебном порядке.

Ключевые слова: субъект хозяйствования, защита деловой репутации; распространение сведений, порочащих деловую репутацию; неустановленное лицо; судебный способ защиты.

Социальные сети предоставляют возможность делиться своими мыслями и идеями с большим количеством других пользователей, однако такая возможность способствует проявлению проблемы нравственно-правового характера, которая связана с агрессией (оскорблением), проявляемой одними пользователями в отношении других.

Под оскорблением, согласно ст. 10.2 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, подразумевается умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме; часть вторая данной статьи предусматривает, в том числе, ответственность за оскорбление в глобальной компьютерной сети Интернет, однако процесс доказывания совершения конкретного правонарушения достаточно проблематичен.

Рассмотрим, к примеру, ситуацию распространения сведений в глобальной компьютерной сети Интернет неустановленным лицом в отношении юридического лица.

В силу п. 7 ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) правила статьи о защите деловой репутации (кроме возмещения морального вреда) соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Следует отметить, что п. 4 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26.04.2005 г. № 16 (в редакции от 04.03.2011) «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» предусмотрено, что, исходя из п. 6 ст. 153 ГК защита деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности обеспечивается также при невозможности установления лица,

распространившего сведения (например, при распространении сведений в глобальной компьютерной сети Интернет). В таких случаях признание этих сведений не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности возможно посредством обращения в хозяйственный суд с соответствующим заявлением в порядке главы 26 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь.

Юридическое лицо вправе требовать опровержения не соответствующих действительности, порочащих его деловую репутацию сведений, имеет право на помещение ответа в средствах массовой информации и на установление в судебном порядке факта несоответствия распространенных порочащих сведений действительности, а также на возмещение причиненного в связи с посягательством на деловую репутацию имущественного вреда.

Нормы гражданского права под деловой репутацией понимают определенное общественное мнение, сложившееся о профессиональной, производственной, коммерческой и иной деятельности юридического лица.

Под деловой репутацией в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, защита которой в суде возможна посредством предъявления иска об опровержении не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию понимается оценка участника отношений в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности другими участниками этих отношений, умаление (дискредитация) которой может негативно повлиять на осуществление этим участником указанной деятельности.

Под распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, понимается их сообщение неопределенному кругу лиц, в том числе посредством размещения таких сведений в глобальной компьютерной сети Интернет.

Порочащими деловую репутацию юридического лица в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности могут являться не соответствующие действительности сведения о его руководителе, других работниках при выполнении ими своих трудовых функций и (или) должностных полномочий, если это негативно влияет на осуществление юридическим лицом предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности.

Согласно ст. 12 Закона «О средствах массовой информации» под недостоверной информацией понимаются не соответствующие действительности информационные сообщения и (или) материалы, распространяемые средством массовой информации, Интернет-ресурсом. Средство массовой информации представляет собой форму периодического распространения массовой информации в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет, а также сетевое издание как форма

распространения массовой информации с использованием глобальной компьютерной сети Интернет.

Порочащие сведения могут касаться обстоятельств частной жизни гражданина, его трудовой, служебной, профессиональной, культурной деятельности.

Не соответствующие действительности сведения – утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относились оспариваемые сведения.

В судебной практике сформировался подход, согласно которому различают:

- утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить;

- оценочные мнения, суждения, убеждения, которые отражают субъективное мнение (Их нельзя проверить на соответствие действительности).

Приведем пример из практики.

Так, заявитель «О» (юридическое лицо, надлежащим образом зарегистрировано в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) обратилось в экономический суд с заявлением об установлении юридического факта – признании сведений размещенных на сайте в глобальной компьютерной сети Интернет по соответствующему адресу (сайт Российской Федерации) неустановленным лицом (никнейм не известен) не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию.

Правовыми основаниями заявленных требований явилась статья 153 ГК Республики Беларусь.

Данный отзыв порочил деловую репутацию заявителя, поскольку содержал сведения о нарушениях заявителем действующего законодательства, сведения о неэтичном поведении руководителя заявителя, в том числе сведения, размещенные на сайте содержали нецензурную брань, что, несомненно, вызвало определенные сложности при изложении текста решения суда.

Общий характер изложения таких сведений создавал негативное впечатление, а также формировал негативное общественное отношение о предпринимательской деятельности юридического лица для физических и юридических лиц, вследствие чего заявитель и обратился за защитой своей деловой репутации.

Заявитель обращался к администрации сайта по адресу, указанному на сайте для направления претензий и обращений, с просьбой удалить отзыв, на что был получен ответ, что администрация не обладает соответствующими правами вынесения оценочных суждений о соответствии или несоответствии действительности, законности или незаконности информации, размещённой неустановленным лицом.

Согласно пункту 11 постановления Пленума № 16 имеющими значение для дела о защите деловой репутации обстоятельствами, подлежащими

исследованию и оценке хозяйственным судом, являются: факт распространения сведений об истце (заявителе); несоответствие их действительности; порочащий деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности характер этих сведений.

Бремя доказывания в этом случае «возлегло» на заявителя.

Экономическим судом был направлен запрос на электронный адрес администрации сайта о предоставлении сведений о владельце интернет-ресурса, содержащие наименование, адрес, место нахождения, банковские реквизиты, контактные телефоны, факсы и электронные адреса и соответствующие реквизиты лица, разместившего оспариваемую информацию, однако ответ в адрес суда не поступил.

В ходе судебного разбирательства, заслушав пояснения представителей заявителя, исследовав и оценив в совокупности представленные доказательства, исходя из материалов дела, условий обязательства и требований законодательства, согласно ст. 2, 11, 153 ГК Республики Беларусь суд пришел к выводу об удовлетворении заявления – установить юридический факт – признать сведения, размещенные на сайте в глобальной компьютерной сети Интернет по соответствующему адресу (сайт Российской Федерации) неустановленным лицом (никнейм не известен) не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию.

На основании изложенного можно сделать выводы о наличии следующих проблем, которые могут возникнуть (возникли) в ходе рассмотрения требования о признании сведений, размещенных на сайте в глобальной компьютерной сети Интернет не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию:

- сведения размещены неустановленным лицом (бремя доказывания возлагается на заявителя);

- проверка цензуры сведений, размещенных в сети, не представляется возможной, что, в свою очередь, влечет негативное формирование общественного отношения о деятельности юридического лица, а также вызывает сложности при изложении текста судебного постановления;

- невозможность установить возрастной критерий с целью выяснения наличия возможности привлечения лица, распространившего подобного рода сведения, к ответственности в установленном законодательством порядке;

- не конкретизированный порядок исполнения судебного постановления после вступления его в законную силу (в данном случае заявитель обратился за выдачей копии решения суда с отметкой о вступлении в законную силу с целью направления в адрес администрации сайта и последующим удалением сведений).

Следует отметить, что данная категория дел не является весьма распространенной в экономических судах. Так, к примеру, согласно статистике рассмотренных дел экономического суда Брестской области за период с 2014 по 2018 года количество таких дел составило 10 дел (при наличии ответчиков), согласно статистике экономического суда Минской

области за период с 2020 по 2022 года – 2 дела, среди которых только 1 с неустановленным лицом.

Кроме того, следует обратить внимание, что важной особенностью данной категории дел является тот факт, что срок исковой давности на данную категорию дел не распространяется, что, по-нашему мнению, является весомым положительным моментом, позволяющим обеспечить защиту статуса, репутации субъекта хозяйствования, осуществляя предпринимательскую деятельность.

На основании изложенного, вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что процесс признания сведений не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию, распространенных в глобальной компьютерной сети Интернет неустановленным лицом в отношении юридического лица в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности фактически на практике является достаточно проблематичным, а результат рассмотрения данного требования напрямую зависит от совокупности исследования, оценки представленных доказательств, материалов дела, условий обязательств и требований законодательства в каждом конкретном деле.

ПРАВО ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Воробьёва Анна Андреевна

*магистрантка юридического факультета Белорусского государственного
университета, vorobeva.anya.99@mail.ru*

науч. рук. – Киселёва Т.М., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. Проводится анализ законодательства, составляющего основу деятельности органов местного управления и самоуправления. Подчеркивается значение участия населения в нормотворческом процессе данных органов. Отмечена необходимость совершенствования правового регулирования нормотворческой деятельности местных органов власти, а также подчеркнута возможность использования современных информационно-коммуникационных технологий в нормотворческом процессе органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь.

Ключевые слова: нормотворческий процесс; нормотворческая инициатива граждан; предварительное обсуждение; местные органы власти; информационно-коммуникационные технологии.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» под нормотворческой деятельностью понимается государственно-властная деятельность по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов. Нельзя не согласиться с тем, что нормотворческая деятельность влияет на социально-экономическое

благополучие населения. Как отмечает профессор Г.А. Василевич, негативные последствия принятия плохо подготовленных актов выражаются в потерях бюджета, неэффективной деятельности организаций в той или иной сфере [1, с. 8].

Нормотворчество местных органов власти играет особо важную роль, так как данные органы непосредственно взаимодействуют с населением той или иной административно-территориальной единицы, видят проблемы на местах, могут учесть географические, культурные и иные особенности жизни в конкретном месте.

На наш взгляд, взаимодействие населения с местными органами власти в нормотворческом процессе должно осуществляться на самых ранних этапах, в частности, на стадии реализации нормотворческой инициативы.

Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. №108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон) в ст. 1 закрепляет, что местное самоуправление осуществляется, в частности, через инициативы граждан по принятию решений местных Советов депутатов.

Ст. 35 Закона, раскрывая данное положение, определяет, что граждане имеют право по вопросам местного значения в установленном порядке вносить в Совет проекты решений или мотивированные предложения о необходимости принятия, изменения, дополнения, толкования, приостановления действия, признания утратившими силу, отмены решений Совета либо их отдельных положений. При этом такие проекты подлежат обязательному рассмотрению на сессии Совета с участием представителей граждан, а результаты рассмотрения – опубликованию в местных средствах массовой информации.

По сути статья не раскрывает порядок внесения проектов решений гражданами, в связи с этим целесообразно обратиться к нормативным правовым актам, регулирующим процедурные вопросы деятельности нормотворческого органа или определяющим порядок осуществления его деятельности в определенной сфере общественных отношений.

В качестве примера рассмотрим регламент Минского городского Совета депутатов, а также Устав города Минска, утвержденный решением Минского городского совета депутатов от 26 июня 2001 г. №193. В регламенте понятие «инициативы граждан по принятию решений местных Советов депутатов» отсутствует, как и отсутствует конкретная процедура реализации гражданами данного права. Устав г. Минска в ст. 39 конкретизирует закрепленное Законом право граждан инициирования решений местных Советов и гласит, что в порядке, установленном Советом, жители города, достигшие восемнадцати лет, в количестве 3000 человек имеют право на правотворческую инициативу по вопросам городского значения. Проекты решений, внесенные жителями в Совет, подлежат обязательному рассмотрению на открытом заседании Совета с участием представителей жителей, а результаты рассмотрения – опубликованию в средствах массовой информации.

При этом Закон в ст. 35 выделяет две разновидности правотворческой инициативы населения: 1) вносить в Совет проекты решений; 2) вносить в

Совет мотивированные предложения о необходимости принятия решений Совета либо их отдельных положений.

Однако возникает вопрос, чем отличается инициатива внесения проекта от мотивированного предложения о необходимости принятия решений Совета, а также чем эти инициативы отличаются от предложения граждан как разновидности обращений?

Исследование законодательства, составляющего основу деятельности органов местного управления и самоуправления, а также регламентов и уставов местных Советов позволяет сделать вывод об отсутствии необходимых правовых норм, детально регламентирующих указанные выше разновидности правотворческой инициативы граждан, отграничить их от предложений как разновидности обращений.

Более того, действующее законодательство не содержит требований к письменному оформлению нормотворческих инициатив граждан: требование избирателей о принятии решения по вопросу компетенции Совета или проект решения Совета, разработанный согласно всех требований нормотворческой техники; образец подписного листа для сбора подписей в поддержку инициативы; формулировка вопроса инициативы в подписном листе – идея проекта или сам проект; состав и регистрация инициативной группы для сбора подписей в поддержку инициативы; заверение и проверка подписей избирателей в подписных листах; создание Фонда инициативной группы по реализации правотворческой инициативы населения; сроки реализации правотворческой инициативы – от момента создания инициативной группы до рассмотрения проекта на сессии соответствующего Совета; сроки обжалования действий лиц, нарушающих права граждан на реализацию правотворческой инициативы и других местных инициатив [2, с. 96].

На наш взгляд, с целью обеспечения реального участия граждан в инициировании решений местных Советов депутатов указанные положения следует раскрыть в Уставах соответствующих административно-территориальных единиц.

В рамках изучения права граждан на участие в нормотворческой деятельности местных органов власти важно отметить следующее: в Беларуси уже действует автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА). Данная система в режиме реального времени отражает движение НПА, начиная от стадии их направления нормотворческими органами (в т.ч. местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами базового территориального уровня и главными управлениями юстиции областных исполнительных комитетов) в главные управления юстиции облисполкомов, Министерство юстиции, НЦПИ и заканчивая официальным опубликованием этих актов.

С учетом имеющихся наработок АИС НРПА перспективна для полной автоматизации нормотворческого процесса путем ее трансформации в АИС «Нормотворчество». АИС «Нормотворчество» позволит комплексно

автоматизировать все стадии нормотворческого процесса госорганов (организаций) в отношении всех видов нормативных правовых актов. В рамках этой системы будет осуществляться подготовка текста проекта правового акта, его согласование, проведение соответствующих экспертиз, публичное обсуждение, визирование и подписание правового акта, включение его в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь и официальное опубликование, проведение правового мониторинга [3].

Полагаем, что внедрение новой системы позволит субъектам права нормотворческой инициативы, в том числе, гражданам, наглядно представлять движение актов по всем стадиям нормотворческого процесса и участвовать в их обсуждении в дистанционном формате.

Отдельно хотелось бы затронуть вопрос участия в предварительном обсуждении актов местных органов власти. В соответствии со ст. 15 Закона Президиум Совета организует обсуждение гражданами проектов решений Совета, иных важных вопросов местного значения, обеспечивает широкое участие организаций и граждан в разработке, принятии и реализации решений Совета по вопросам местного значения. Устав г. Минска закрепляет положение, согласно которому решения Совета по наиболее важным вопросам могут приниматься после предварительного обсуждения их жителями города в порядке, предусмотренном законодательством. При этом участвовать в предварительных обсуждениях могут и участники местных собраний.

Однако в законодательстве отсутствует четкая процедура информирования граждан о предполагаемой дате и времени проведения обсуждения, а также не раскрыт перечень «наиболее важных вопросов».

На наш взгляд, Уставы соответствующих административно-территориальных единиц должны быть дополнены положением, содержащим примерный перечень вопросов, по которым предварительные обсуждения проводятся в обязательном порядке. В частности, к данному перечню можно отнести вопросы об утверждении программ экономического и социального развития, назначении местных референдумов. Это поможет развить практику проведения общественных обсуждений на местном уровне.

Также Уставы следует дополнить четкой процедурой информирования граждан о проведении предварительного обсуждения, при этом предусмотрев возможность обсуждения проекта решения на сайте соответствующего местного органа власти в режиме онлайн.

Кроме того, при помощи информационных-коммуникационных технологий можно наладить общение представителей местных органов власти с гражданами, например, посредством систем видеоконференцсвязи. Так, личный прием граждан, в том числе, по вопросам инициирования проектов решений Советов, может быть частично переведен в режим онлайн: гражданин заполняет форму за 5 дней до даты предполагаемой «встречи» на сайте соответствующего местного органа власти с кратким изложением по существу вопроса, в дальнейшем должностное лицо принимает решение о связи посредством видео, при этом информация о принятом решении доводится до

сведения по электронной почте/SMS, а при необходимости дублируется по телефону.

Таким образом, в целях реализации права граждан на участие в нормотворческой деятельности местных органов власти следует совершенствовать юридическую основу нормотворческой деятельности органов местного управления и самоуправления, в частности, предлагаем дополнить ст. 11 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» положением, предусматривающим принятие местными Советами Уставов административно-территориальных единиц, содержащих порядок реализации нормотворческих инициатив населения. Уставы также должны быть дополнены положением, содержащим примерный перечень вопросов, по которым предварительное общественное обсуждение проводится в обязательном порядке, и четкой процедурой информирования граждан об их проведении.

Использование же современных технологий (автоматизированных систем, систем видеоконференцсвязи) местными органами власти в нормотворческом процессе интенсифицирует процесс общения с людьми и решения их проблем.

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г. А. Законодательная основа нормотворческой деятельности органов государственной власти // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 1. – С. 4–13.

2. Конституционные принципы нормотворческой деятельности и правоприменения в Беларуси : сборник материалов круглого стола, 3 марта 2018 г., Минск / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 265 с.

3. Продолжаются работы по созданию АИС «Нормотворчество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/january/58754/>. – Дата доступа: 31.01.2022.

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Глухарев Дмитрий Андреевич

магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета, gluharev@bsu.by

науч. рук. – Чешко В. Ю., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. Стремительное развитие информационных технологий, а также постоянное возрастание их роли в жизни государства, общества и отдельных индивидов открыли перед человечеством огромные возможности для усовершенствования демократических институтов. В данной статье рассказывается об электронной демократии, ее структурных элементах. Исследуется значение и эффективность электронной демократии для Республики Беларусь, а также пути развития и внедрения электронной демократии в Республике Беларусь и ее влияние на страну.

Ключевые слова: электронная демократия, информационные технологии, демократия, социальные сети, правительство, технологии.

Термин «электронная демократия» понимается в широком смысле как использование информационно-коммуникационных технологий (в первую очередь Интернета) для совершенствования демократических процессов. В более узком смысле электронная демократия понимается как использование Интернета правительством, политическими партиями, группами интересов для предоставления информации, коммуникации, оказания правительственных услуг или для активизации участия граждан в политическом процессе с целью стимулирования более широких общественных дебатов [1, с. 17].

Электронная демократия является механизмом для расширения возможностей гражданина в политической коммуникации путем широкого использования информационных технологий, что позволяет более эффективно корректировать политическую жизнь государства в отношении реальных потребностей современного общества. Происходящее сейчас в социальных сетях является процессом электронной демократии. Эта активность с привлечением новых технологий позволяет нам уже сейчас выработать общее понимание ситуации, поддержать друг друга, найти сторонников и узнать, что наше мнение поддерживают и другие.

Под электронной демократией обычно понимают новую форму демократии, при которой граждане участвуют в процессе государственного управления с помощью информационных технологий.

К её элементам можно отнести:

1) интернет-голосование граждан, опрос, по результату которого властями принимается какое-либо решение локального или государственного уровня, внедрение информационных технологий в политические процессы, в том числе в выборы;

2) сетевую коммуникацию граждан и представителей власти;

3) электронный сбор подписей (петиции) [2, с. 10].

Безусловно, одним из наиболее важных факторов в развитии электронной демократии выступает широкий доступ граждан к сети. Естественно, в государствах, где интернетом пользуется меньшая часть населения, принять Конституцию на основании обсуждений в соцсетях и на специализированных порталах невозможно, поскольку это будет означать, что многие граждане останутся вне данного политического процесса.

В Беларуси и России довольно высокий процент пользователей сети в мире – порядка 3/4 граждан от общей численности населения являются пользователями сети. Конечно, для полноценного осуществления электронной демократии недостаточно, однако некоторые шаги в области развития политики в виртуальном мире власти всё же предпринимают.

В Беларуси не существует государственных платформ для петиций, которые при определённом пороге подписей обязательны для рассмотрения властями.

Многие петиции, касающиеся Беларуси, размещены на популярных международных площадках, однако они не рассматриваются органами власти, потому что там нет необходимости указывать место регистрации, подписавшегося под обращением – только имя и фамилию. Согласно же законодательству, подписывая обращение к органам власти, гражданин должен указать имя и свой адрес [3, с. 21].

На данный момент в республике нет системы онлайн-голосования на выборах Президента и депутатов представительных органов.

В Беларуси государственные опросы в основном проводятся на официальных сайтах государственных органов, у которых довольно невысокое посещение по сравнению с социальными сетями или популярными СМИ. Кроме того, результаты опросов пока необязательно учитывать при принятии определённых решений. Поэтому это выглядит пока как изучение общественного мнения, и то с небольшой выборкой граждан. К примеру, регулярно проводятся опросы на сайте Следственного комитета Республики Беларусь, однако лишь в двух из одиннадцати опросов проголосовало более трёх тысяч человек.

Для полноценной реализации данного элемента электронной демократии, естественно, стоит использовать потенциал социальных сетей. У каждого государственного органа, в том числе местного, должна быть официальная страница в самых популярных социальных сетях, на которых могут проводиться опросы и голосования граждан. На данный момент опросы лишь на официальных порталах остаются попросту незамеченными среди большинства интернет-пользователей. По данным Центра правовой трансформации Lawtrend и компании Novak в 2015 году только каждый десятый интернет-пользователь из Беларуси регулярно заходил на сайты государственных органов.

Кроме того, важно учитывать, что есть вероятность накрутки голосов с помощью наплыва т. н. «ботов». Для того чтобы избежать данных проблем, можно делать голосования открытыми, чтобы каждый мог видеть, кто именно за какой вариант проголосовал. Либо саму площадку для голосования оставить на официальном сайте органа, а там сделать возможным принять участие в опросе лишь после введения паспортных данных. Соцсети в данном случае стоит использовать в качестве рекламы голосования, для привлечения внимания общественности, чтобы опрос охватил максимально большое число граждан [4, с. 93].

Развитие электронной демократии будет способствовать оптимизации обращения граждан к представителям власти: им будет достаточно написать свой запрос в определенную структуру в интернете и их запрос будет рассмотрен более оперативно.

Будет повышено доверие к государству, если многие процессы станут открытыми: доступ к заседаниям Парламента, прямые трансляции с различных государственных встреч и так далее. Основной тезис: упрощение процесса получения реальной информации о политической сфере жителями

страны, путем предоставления возможности напрямую наблюдать за этими процессами.

Прозрачность государственного управления также частично обеспечивается предыдущим пунктом. Кроме того, возможно, стоит внести обязательный пункт в работу представителей власти: периодическая публикация отчета о проделанной работе через электронные ресурсы. Таким образом народ сможет получать информацию о деятельности представителей власти и сможет более объективно оценивать их работу.

Развитие информационных технологий привело к тому, что многие прогнозируют неизбежность прямой электронной демократии как самой эффективной системы управления государством в эпоху информационного общества.

Самые смелые прогнозы экспертов в области интернета и социальных сетей предвещают ликвидацию представительных органов власти, в частности парламентов: в будущем граждане будут самостоятельно создавать законопроекты путём внесения в них онлайн-правок (по примеру того, как создаются статьи в «Википедии», где каждый может внести правку, а администратор проверяет её достоверность). Такого мнения придерживается российский социолог, эксперт по развитию социальных сетей Игорь Эйдман [5, с. 334].

На Западе довольно популярна концепция электронной демократии Liquid Democracy. Суть её в том, что за принятие какого-либо закона голосуют не избранные депутаты (представительская модель демократии), а напрямую граждане путём участия в интернет-опросе. Естественно, граждане не могут разбираться во всех проблемах общества и государства, поэтому концепция управления Liquid Democracy предоставляет им возможность делегировать свои голоса другим участникам голосования – экспертам-специалистам в определённой области или политикам от разных партий.

Так или иначе, развитие информационного общества изменит не только экономическую систему, рынок труда и отношения между людьми, но и систему государственного управления. И если мы хотим в будущем видеть высокоразвитыми, суверенными и успешными Беларусь необходимо уже сегодня идти в ногу со временем и думать, как наиболее успешно и безопасно внедрять элементы электронной демократии в политическую сферу.

Библиографические ссылки

1. Обрывкова, Н. А. Электронная демократия в современном постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Н. А. Обрывкова; Сев.-Зап. Академия Государственной службы. – СПб., 2016. – 26 с.
2. Алексеев, Г. В. Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. – № 5. – С. 8 – 19.
3. Кириленко, В. П., Алексеев Г. В. Современная демократия и политические лидеры // Управленческое консультирование. 2018. – № 7. – С. 17 – 31.
4. Ахременко, А. С., Петров А. П., Филиппов И. Б. Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // Политика: Анализ.

Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. – № 3 (90). – С. 87 – 112.

5. Россошанский, А. В., Цаплин А. Ю. Пути развития современных демократий в информационном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 331 – 336.

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В УМНОМ ГОРОДЕ

Дворко Кристина Юрьевна

магистрантка юридического факультета Белорусского государственного университета, kristina.dvorko@bk.ru

науч. рук. – Абламейко М. С., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. Рассмотрено закрепленное в Конституции Республики Беларусь право на охрану здоровья как одно из важнейших конституционных прав. Исследовано современное состояние электронного здравоохранения Республики Беларусь, а также вопросы правового регулирования электронного здравоохранения в Республике Беларусь. Проанализирована взаимосвязь понятий «электронное здравоохранение» и «умный город». Определены актуальные проблемы реализации права на охрану здоровья в условиях умного города и предложены пути их решения на правовом уровне.

Ключевые слова: права человека; умный город; охрана здоровья; электронное здравоохранение.

В соответствии со ст. 45 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Целью Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 66 от 2 февраля 2021 г., является обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества, а одной из задач для достижения данной цели является повышение качества медицинского обслуживания населения, доступности услуг, предоставляемых системой здравоохранения, информированности населения о состоянии здоровья, эпидемиологической обстановке на базе современных технологических решений.

В силу того, что в Республике Беларусь на сегодняшний день отсутствует нормативное определение термина «умный город», предполагается, что данный термин охватывает широкий круг общественных отношений, подлежащих цифровизации, в том числе и здравоохранение. Данное утверждение подтверждается, в частности, указанием на внедрение информационных инноваций в здравоохранение в качестве части подпрограммы «Умный город» в соответствии с главой 10 Программы развития Оршанского района на период до 2023 года, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 506 от 31 декабря 2018 г., а также тем, что одним из заказчиков данной подпрограммы является Министерство здравоохранения Республики Беларусь. Также в целях реализации

подпрограммы «Умный город» на примере Оршанского района предполагалось создание полномасштабной системы обращения электронных рецептов с использованием электронной цифровой подписи (проект «Электронный рецепт»), что действительно подтверждает непосредственную взаимосвязь понятий «умный город» и «электронное здравоохранение».

В Республике Беларусь внедрена АИС «Электронный рецепт», которая обеспечивает технологию обращения электронных рецептов и представляет собой централизованную систему электронной выписки и отпуска лекарственных средств при лечении в амбулаторных и стационарных условиях, включая льготное лекарственное обеспечение. АИС «Электронный рецепт» позволяет решить проблемы, существующие при выписке бумажного рецепта, например, данная система позволит избежать опасных дозировок и нежелательных взаимодействий между лекарственными средствами, уже назначенными пациенту, исключить нечитабельность или неверную интерпретацию рецепта, подделку рецептов и т.д.

Также в Республике Беларусь внедряются электронные медицинские карты пациента, которые в соответствии с абз. 35 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» № 2435-ХІІ от 18.06.1993 (далее – Закон «О здравоохранении») представляют собой структурированную совокупность электронных медицинских документов, записей о состоянии здоровья пациента, фактах его обращения за медицинской помощью и иной информации о пациенте в централизованной информационной системе здравоохранения.

В соответствии с ч. 13 ст. 44 Закона «О здравоохранении» при формировании электронной медицинской карты предполагается предварительное получение согласия пациента на формирование электронной медицинской карты, однако следует отметить, что на практике данное правило не всегда соблюдается. Также исходя из толкования действующих норм законодательства Республики Беларусь о здравоохранении необходимо отметить проблему получения согласия на внесение и обработку персональных данных, информации, составляющей врачебную тайну, в электронную медицинскую карту несовершеннолетнего пациента. В перспективе могут возникать ситуации, когда законные представители несовершеннолетнего пациента будут против ведения его электронной медицинской карты, что впоследствии лишь негативно скажется на реализации права на охрану здоровья несовершеннолетнего в связи с отказом от существенных преимуществ электронной медицинской карты. Например, следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 44 Закона «О здравоохранении» несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет имеют право самостоятельно давать согласие на простое медицинское вмешательство. Однако в контексте получения согласия на ведение электронной медицинской карты несовершеннолетнего пациента подобного условия не предусмотрено, в связи с чем предлагается целесообразным регламентировать право несовершеннолетнего пациента давать согласие на ведение электронной медицинской карты с четырнадцати лет.

Также в Республике Беларусь в соответствии с п. 10 Инструкции о порядке проведения врачебных консультаций (консилиумов), утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 224 от 20 декабря 2008 г., допускается проведение врачебной консультации (консилиума) с применением телемедицинских технологий по модели «врач-врач», а также «врач-пациент». В данной сфере отмечается необходимость нормативного регулирования особенностей учета рабочего времени медицинских работников при применении ими телемедицинских технологий.

Следует отметить, что в нормативных правовых актах Республики Беларусь, регулирующих вопросы цифровизации здравоохранения, не упоминается термин «умная больница», однако создание и функционирование «умных больниц» также является одним из способов реализации права на охрану здоровья в современных условиях. Предполагается, что понятие «умная больница» будет включать в себя следующие элементы: АИС «Электронный рецепт», электронные медицинские карты пациента, мобильное здравоохранение, палатную сигнализацию, видеонаблюдение, телемедицину, электронную очередь и т.д. Нельзя не отметить, что в целях внедрения системы «умной больницы» необходимы конкретные предложения на уровне государственно-частного партнерства, надлежащий уровень финансирования, а также обеспечение соответствующей подготовки персонала и пациентов.

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь активно внедряется электронное здравоохранение, что определенно положительно повлияет на реализацию права человека на охрану здоровья в условиях умного города. Однако ввиду «переходного периода» на практике возникают некоторые трудности, решить которые предполагается возможным в дальнейшем на правовом уровне путем доработки отдельных аспектов законодательства о здравоохранении.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Девятовская Каралина Викторовна

*аспирантка 2 года обучения юридического факультета Белорусского
государственного университета, k.devyatovskaya@pdu.by*

науч. рук. – Василевич Г.А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. Работа посвящена анализу законодательного определения административного правонарушения и преступления. Отмечены основные признаки данных деяний, предусмотренные законодателем. Отдельное внимание уделено анализу понятия общественной опасности. Проанализировано семантическое толкование и некоторые авторские трактовки общественной опасности, в результате чего отмечается их несогласованность и спорность утверждения, характеризующего в качестве деяния, обладающего данным признаком только преступление. На основании доктринального и нормативного анализа представлено авторское видение данного признака.

Ключевые слова: административное правонарушение; преступление; общественная опасность.

Проблема разграничения преступлений и смежных административных правонарушений имеет важное теоретическое и практическое значение. Правильная квалификация совершенных правонарушений является необходимым условием успешной борьбы с преступностью и гарантией законного и обоснованного применения мер правового воздействия. В то же время грань между некоторыми преступлениями и административными правонарушениями весьма условна и размыта, подчас весьма сложно дать правильную квалификацию совершенных действий, поэтому считаем необходимым сконцентрировать внимание на самых актуальных и спорных основаниях разграничения.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - КоАП) «административным правонарушением признается противоправное виновное деяние (действие или бездействие) физического лица, а равно противоправное деяние юридического лица, за совершение которого установлена административная ответственность», где характеризующими признаками выступают противоправность, наличие деяния, как акта волевого поведения и виновность физического лица.

На основании ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК Республики Беларусь, и запрещенное им под угрозой наказания, что позволяет определить признаки преступления следующим образом: виновность, общественная опасность, наличие деяния, наказуемость. В первую очередь обратим внимание на признак «общественной опасности», как наиболее проблемный в вопросе разграничения преступления и административного правонарушения.

Остановим свое внимание на учении о признаках общественной опасности, как основания разграничения административного правонарушения и преступления. Вопрос о таком признаке деяния как общественная опасность рассматривался многими авторами, в числе которых С.Г. Василевич, Е.В. Медведев, С.А. Бочкарев, Ю.И. Ляпунов, В.В. Питецкий, А.М. Смирнов, Д.Н. Бахрах, В.П. Карлов и другими.

В различных словарях и энциклопедиях содержатся во многом похожие определения опасности, чаще всего отсылающие к значению прилагательного «опасный». Например, словарь современного русского языка трактует опасность как возможность, угрозу бедствия, несчастья, катастрофы [1]. В толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова под ней понимается возможность, угроза чего-нибудь очень плохого, наступление какого-нибудь несчастья, катастрофы, бедствия [2]. При анализе значения слов «опасность» и «опасный» можно сделать вывод о наличии нескольких признаков опасности. Во-первых, опасность выражена во внешней среде, в объективной действительности. Во-вторых, это состояние обладает разрушающим

свойством, по своему потенциалу такое деяние способно нанести вред человеку, обществу, окружающей среде, либо несет в себе вероятность причинения такого вреда.

Зачастую в научной литературе определение сущности «опасности» происходит через использование категории «вреда», что говорит об их тесной взаимосвязи. Вред, ущерб – это следствие, какой-либо конкретный результат, то, что можно выразить в количественной характеристике. Представляется весьма затруднительным разграничение опасности и угрозы, поскольку последняя также рассматривается в одном из своих значений как состояние объективного мира и в этом случае их внутреннее содержание во многом совпадает. Тем не менее, понятие «опасность» все же более широкое по объему.

В современном белорусском уголовном праве понятие общественной опасности нашло свое отражение во множестве статей. Например, ст. 12 УК Республики Беларусь предусматривает градацию преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности, ст. 21 УК Республики Беларусь определяет вину по отношению к совершаемому общественно опасному деянию, а также ряд статей: ст. 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 32. Таким образом, законодатель связывает понятие преступления, вменяемости, форм вины, уменьшенной вменяемости, категорий преступлений с признаком общественной опасности, однако Уголовный кодекс не дает на законодательном уровне определения данного признака.

Как давно признак общественной опасности нашел свое отражение в системе уголовного права и с чем было связано его появление? Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г. определял преступление как всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. Опасность лица обнаруживалась совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку. Таким образом, опасность определялась через вредность последствий, не производя четкого разграничения данных понятий.

УК РСФСР 1926 г. уже предусматривало Примечание, согласно которому не являлось преступлением действие, которое хотя формально и подпадало под признаки какой-либо статьи Особенной части кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного. Это подразумевало введение института малозначительности деяния и наличие логической связи между вредными последствиями и общественной опасностью.

Та же идея просматривалась и в Уголовном кодексе 1960 г. и в Уголовном Кодексе 1996 г., однако в определении преступления взаимосвязь общественной опасности и наступления вредных последствий исчезла. Еще в 1969 г. в монографии Н.Ф. Кузнецовой «Преступление и преступность» проводится анализ признака общественной опасности. Автор отмечает, что общественная опасность является «содержанием» преступного действия [3,

с. 428-429]. Общественно опасное действие имеет две взаимосвязанные стороны. С одной стороны, всякое преступное действие есть воплощение преступной воли лица, его вины (субъективная общественная опасность), а с другой, действие – причина общественно вредных изменений в охраняемых уголовным законодательством социалистических общественных отношениях (объективная общественная опасность). Во всех случаях преступное последствие – это результат, порожденный общественно опасным, преступным действием субъекта. При этом последствие не является элементом самого действия.

По мнению Н.Ф. Кузнецовой: «Общественная опасность заключается в том, что деяние вредносно для общества, иными словами, общественная опасность деяния состоит в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным правоотношениям» [3, с. 428-429]. Таким образом, Н.Ф. Кузнецова раскрывала признак общественной опасности, используя понятие «вредности», что дает возможность признать общественную опасность синонимичной вредности деяния, сделать признак общественной опасности универсальным и наделить им и другие формы противоправных действий. Автором отмечается, что виды правонарушений различны лишь в степени проявления данного признака, так, и административное, и гражданское, и дисциплинарное правонарушение обладают минимальной степенью общественной опасности [3, с. 97]. Подобной точки зрения также придерживаются А.П. Алехин, Д.Н. Бахрах, Б.В. Российский, Ю.Н. Стариков [4, с. 259; 5, с. 528].

А.П. Козлов определяет общественную опасность как «признак преступления, объясняющий его социальную сущность». Общественная опасность автором определяется как угроза возникновения вреда или создание вреда существующим общественным отношениям [6, с.14]. Важно отметить, что категория общественной опасности рассматривается автором как объективная реальность, однако существующая вне сознания граждан и помимо государственно-властной оценки, государству в данном случае принадлежит лишь возможность оценить в конечном результате ее последствия.

С.Г. Василевич отмечает, что «общественная опасность деяния зависит от таких признаков, как место, время, способ совершения проступка, размер ущерба, наступившие последствия и др.», причем автор отмечает, что общественная опасность свойственна не только преступлениям и административным правонарушениям, но и некоторым дисциплинарным проступкам, отличие заключается в ее степени [7, с. 44].

Ф.Н. Сотсков предлагает считать общественную опасность «внутренним свойством деяния, выраженным в объективной способности деятельности человека причинить или создать угрозу причинения вреда, которое находит свою юридическую оценку в запрете совершения деяния под угрозой наказания» [8, с. 10]. В.И. Михайлов считает, что «при нормативном закреплении таких свойств преступления, как виновность и противоправность,

выделение общественной опасности в качестве самостоятельного свойства и придание ей главенствующей роли во многом является данью традиции» [9, с. 66]. Э.А. Васильев указывает, что общественная опасность, являясь сложной, системной социально-правовой категорией, отражает особое качество противоправного деяния, угрожающего (либо нарушающего) условиям существования общества, определяя самую вредоносную разновидность правонарушений – преступления [10, с. 10-11]. Поскольку автор полагает, что признак общественной опасности обладает уникальным характером и позволяет подчеркнуть важность и особый статус преступления.

Подводя итоги необходимо отметить, что ввиду особого сходства объекта охраны в рамках уголовного и административного законодательства, характера общественных отношений, размытости границ ряда смежных составов, а также понимания общественной опасности как фактора, характеризующего конкретное деяние, а не субъекта, критерия, относящегося к характеристике внешнего проявления поведения, мы склонны считать, что и административное правонарушение, и преступление обладают данным признаком. Поскольку противоправное поведение лица, наносящее ущерб государственным и общественным интересам, несет угрозу для нормального функционирования общества, подрывает его стабильность, материальную, нравственную ценность.

Важно отметить, что в новом КоАП 2021 г. законодатель ввел градацию административных правонарушений в зависимости от характера и степени общественной вредности, выделив при этом административные проступки, значительные и грубые административные правонарушения, что поставило точку во мнении законодателя в вопросе отсутствия у административного правонарушения общественной опасности. Подобное мнение также видится логичным, поскольку на уровне законодателя для придания преступным формам деяния особой значимости, возможно использование признака общественной опасности для характеристики преступления, однако в силу наличия категорий административного правонарушения видится логичным провести более четкую грань между проступком, несущим в себе общественную вредность, значительным и грубым нарушением, при совершении которых можно отметить их значительное влияние на гармоничное функционирование общества.

Безусловно, общественная опасность не является единственным спорным инструментом разграничения преступления и административного правонарушения.

Библиографические ссылки

1. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004. — 1534 с.
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.
3. Кузнецова *Н.Ф.* Преступление и преступность. — М., 1969 // Кузнецова *Н.Ф.* Избранные труды. — СПб., 2003. — 834с.

4. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. М.: ИКД «Зерцало-М», – 2003. – 608 с.
5. Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. – 800 с.
6. Козлов А.П. Понятие преступления. – Спб. – Издательство Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.
7. Василевич, Г.А. Административно-деликтное право: учеб. пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.
8. Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 27 с.
9. Михайлов В.И. Вред и его регулирование в уголовном законе // Государство и право. – 2007. – № 2. – 128 с.
10. Васильев Э.А. Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 22 с.

ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Жуковская Юлия Анатольевна

*Магистрантка юридического факультета Белорусского государственного
университета, julia-zhukovskaya@mail.ru*

науч. рук. – Василевич Г. А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. В данной статье обозначено, что Республика Беларусь является многонациональным государством, что порождает необходимость проведения такой политики, при которой будут соблюдаться права всех национальных меньшинств. Рассмотрена законодательная база, которая позволяет говорить о том, что государство обеспечивает соблюдение и защиту прав национальных меньшинств.

Ключевые слова: недискриминация, равенство, национальные меньшинства, Уполномоченный по делам религий и национальностей.

На современном этапе во всем международном сообществе одним из приоритетных направлений является обеспечение равенства и недискриминации, что отражается в ряде международных правовых актов в рамках универсальной и региональных систем защиты прав человека. Международно-правовая база в области прав человека содержит международные инструменты по борьбе с различными формами дискриминации, включая дискриминацию в отношении коренных народов, мигрантов, меньшинств, людей с ограниченными возможностями, дискриминацию в отношении женщин, дискриминацию по религиозному или гендерному признаку, или признаку сексуальной ориентации. Признается, что каждый имеет право без каких-либо различий пользоваться всеми правами человека, включая право на равное обращение в рамках закона и право на защиту от дискриминации по различным признакам. Принципы равенства и недискриминации заложены в основу концепции верховенства права.

Затрагивая вопрос защиты прав национальных меньшинств в Республике Беларусь, следует обозначить национальный состав населения

Республики Беларусь, для чего приведем данные переписи населения 2019 г. Так, можно отметить, что в Беларуси проживают следующие национальности (перечисление от большего процента к меньшему): белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы, туркмены, немцы, грузины, молдоване, китайцы, латыши, узбеки, казахи, арабы, таджики, чувашаи, вьетнамцы, болгары, мордва, греки, корейцы, афганцы, башкиры, турки. Как видно, национальный состав в Республике Беларусь весьма многообразен. Однако отмечается стабильная ситуация, связанная с положением национальных меньшинств, так как отсутствуют столкновения и конфликты на данной почве, что можно объяснить проводимой государством национальной политикой, менталитетом граждан страны, историческими традициями мирного межэтнического взаимодействия, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси.

Данная стабильность ситуации возможна ввиду наличия законодательной базы, обеспечивающей соблюдение и защиту прав национальных меньшинств.

Основополагающими являются положения Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г., 17.10.2004 г., в ред. Закона Республики Беларусь от 12.10.2021 г. № 124-3), согласно ст. 2 которой человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Раскрывающими тему национальных меньшинств являются также ст. 5 (запрещает создание политических партий, ведущих пропаганду в т.ч. национальной вражды), ст. 12 (право убежища для лиц, преследуемых по признаку в т. ч. национальной принадлежности), ст. 14 (государственное регулирование отношений между общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов), ст. 15 (сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей), ст. 22 (равенство всех перед законом без всякой дискриминации), ст. 50 (право на сохранение национальной принадлежности, запрет принуждения к определению и указанию национальной принадлежности, преследование согласно закону оскорблений национального достоинства), ст. 52 и 53 (обязанность соблюдения законодательства и обязанность уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц).

В развитие данных положений действует Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1992 г. № 1926-XII (ред. от 07.05.2007 г.) «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», а также ряд иных нормативных правовых актов содержит положения о правах национальных меньшинств.

Также следует отметить, что Республика Беларусь признает ряд международных документов, регулирующих права национальных меньшинств, основными среди которых можно назвать документы, формирующие Международный билль о правах человека. Также с 1997 г. для Республики Беларусь вступил в силу документ, принятый в рамках

Содружества Независимых Государств, под название «Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» (Заклучена в г. Москве 21.10.1994 г.).

Контроль деятельности в области защиты прав национальных меньшинств в Республике Беларусь осуществляет Уполномоченный по делам религий и национальностей и его аппарат — республиканский орган государственного управления, координирующий деятельность органов государственного управления республики и осуществляющий государственную политику в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в стране.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Жуковская Юлия Анатольевна

Магистрантка юридического факультета Белорусского государственного университета, julia-zhukovskaya@mail.ru

науч. рук. – Василевич Г. А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. В данной статье рассмотрен вопрос о необходимости предотвращения такого явления, как дискриминация по признаку инвалидности. Обращено внимание, как на законодательном уровне в Республике Беларусь обеспечиваются условия для того, чтобы люди с инвалидностью обладали всеми необходимыми правами и свободами. Указывается на законодательный запрет дискриминации по признаку инвалидности, раскрываются действия, подпадающие под дискриминацию.

Ключевые слова: недискриминация, права инвалидов, Конвенция о правах инвалидов, эйблизм, безбарьерная среда.

Основой для соблюдения прав человека является соблюдение такого основополагающего принципа, как принцип недискриминации. Необходимость соблюдения данного принципа нашла отражение как в международных правовых актах, так и в национальном законодательстве Республики Беларусь.

В рамках формирования международных стандартов в области защиты прав и свобод человека, в том числе обеспечения принципа недискриминации по каким-либо основаниям, было принято многочисленное количество различных международных соглашений, конвенций, резолюций, договоров, иных типов документов, как универсального, так и регионального действия, но фундаментальными документами, ставшими базисом в области прав человека из-за своей доскональности, точности, всеобъемлющего характера и признания большинством современных демократических стран, принято считать ряд документов, объединяющихся в совокупности в Международный Билль о правах человека.

Так, принцип недискриминации отражен в ст. 7 и 23 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., где сказано, что «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все

люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».

Обращают внимание и на необходимость соблюдения прав человека безо всякой дискриминации Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Ст. 55 Устава ООН также ссылается, помимо ряда других прав, на право на экономическое, социальное и культурное развитие, на уважение и соблюдение прав человека и основных свобод для всех без проведения различия в отношении расы, пола, языка и религии.

Запрет дискриминации проводится по различным основаниям, в том числе по основанию инвалидности. В последнее время растущей проблемой становится такое явление, как эйблизм. Его можно охарактеризовать как состояние в обществе, при котором появляется предвзятое отношение к людям с инвалидностью, в том числе в части трудовых вопросов, со стороны людей, которые не являются инвалидами и рассматриваются как полностью трудоспособные.

На регулирование данного вопроса направлены и специальные международные правовые документы, а также отдельные нормативные правовые акты в государствах.

Наиболее известным на международном уровне документом является Конвенция о правах инвалидов, которая была принята 13 декабря 2006 г. В 2018 г. Верховным комиссаром ООН по правам человека было отмечено, что «Конвенция о правах инвалидов – это документ, предназначенный не только для самих людей с инвалидностью. Её принципы и положения помогают всему человечеству, содействуя нам в борьбе с изоляцией и сегрегацией и демонстрируя, как и Цели в области устойчивого развития, что решение проблем тех, кто нуждается больше всех, – это залог того, что никто не останется позади».

Конвенция определяет категории инвалидов и подтверждает, что все инвалиды должны пользоваться своими правами и основными свободами. Она проясняет и определяет, каким образом все категории прав применяются в отношении инвалидов, и устанавливает сферы, которые необходимо адаптировать для того, чтобы инвалиды могли эффективно осуществлять свои права, а также сферы, в которых нарушены их права и в которых необходимо усилить защиту их прав.

У Конвенции о правах инвалида также есть защитный механизм, который представлен Комитетом по правам инвалидов. Это орган, состоящий из 18 экспертов, выступающих в личном качестве, которые также являются независимыми, чья главная задача состоит в наблюдении за осуществлением положений Конвенции. А на государства-члены Конвенции возлагается обязанность регулярного предоставления в Комитет по правам инвалидов докладов об осуществлении тех прав, которые закреплены в Конвенции.

Республика Беларусь также является участницей Конвенции о правах инвалидов. Однако, вступила в силу данная Конвенция для Республики Беларусь только с 29 декабря 2016 г., после того как была ратифицирована Законом Республики Беларусь от 18 октября 2016 г. «О ратификации Конвенции о правах инвалидов».

В качестве инструмента, обеспечивающего выработку скоординированных действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов, Правительством Республики Беларусь в 2017 г. подготовлен и утвержден Национальный план. Период выполнения его мероприятий рассчитан до 2025 года. План включает в себя развитие инклюзивного образования, решение вопроса по трудоустройству и занятости людей с инвалидностью, создание таких условий, которые позволят людям с инвалидностью интегрироваться во все сферы жизнедеятельности общества.

Помимо этого, на национальном уровне в Республике Беларусь действует ряд нормативных правовых актов, которые направлены на регулирование отношений с участием людей с инвалидностью при соблюдении принципа недискриминации.

Наиболее часто выделяемой проблемой в работах по вопросам прав инвалидов выступает то, что люди с инвалидностью сталкиваются с нарушением своих трудовых прав или с дискриминацией со стороны работодателей. На наш взгляд, эта проблема требует детального внимания со стороны законодателя и государства, так как для того, чтобы соблюдались все права человека, у людей с инвалидностью должны быть равные возможности для трудоустройства с людьми, которые не являются инвалидами, то есть не должно быть отказов работодателей лишь по этому признаку, должны в первую очередь рассматриваться способности каждого из кандидатов. Также право на труд должно быть реализовано, так как имеет важную составляющую для реализации всех остальных прав человека и предотвращения маргинализации среди людей с инвалидностью.

Регулирование особенностей труда людей с инвалидностью в Республике Беларусь осуществлено в главе 21 Трудового Кодекса Республики Беларусь 1999 г.

Прием на работу, трудовая деятельность, а также увольнение лиц с инвалидностью имеют некоторые особенности по сравнению с другими категориями работников. Также правовые нормы предусматривают ряд дополнительных гарантий для людей с инвалидностью. Например, отказ в заключении трудового договора либо в продвижении по работе, расторжение трудового договора по инициативе нанимателя, перевод инвалида на другую работу без его согласия по мотивам инвалидности не допускаются, за исключением случаев, когда выполнение трудовых обязанностей противопоказано индивидуальной программой реабилитации инвалида.

При трудоустройстве для людей с инвалидностью не устанавливается испытание. На нанимателя возлагается обязанность создавать условия труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов, в

том числе путем организации их профессионального обучения на производстве, труда в надомных условиях.

Для инвалидов I и II группы устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени не более 35 часов в неделю. При этом оплата их труда производится в таком же размере, как при полной норме продолжительности рабочего времени.

При сокращении численности или штата работников инвалидам при равной производительности труда и квалификации предоставляется преимущественное право на оставление на работе.

Перечисленные выше и иные гарантии в трудовой сфере позволяют людям с инвалидностью оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Помимо гарантий в трудовой сфере для предотвращения дискриминации в отношении людей с инвалидностью необходимо создание безбарьерной среды для свободной жизнедеятельности и передвижения инвалидов. Так, например, положения регулирующие создание безбарьерной среды содержатся в Законе Республики Беларусь от 11.11.1991 г. № 1224-ХП (ред. от 16.11.2010 г.) «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь».

На сегодняшний день также разработан проект Закона Республики Беларусь «О правах инвалидов и их социальной интеграции». В данном проекте перечисляются права инвалидов, определяются гарантии осуществления этих прав, обеспечения равенства и недискриминации по признаку инвалидности. Также цель его состоит в повышении качества жизни инвалидов, их реабилитацию, абилитацию, создание и обеспечение надлежащих условий для полного и равноправного участия инвалидов в жизни общества.

Стоит отметить, что данный проект содержит отдельную статью, которая подробно описывает что же понимается под дискриминацией инвалидов.

Так, согласно ст. 7 проекта под дискриминацией по признаку инвалидности понимается любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех гарантированных в Республике Беларусь прав и основных свобод человека в гражданской, политической, экономической, социальной, культурной, или любой иной области общественных отношений. Дискриминация включает в себя все формы дискриминации, в том числе прямую, косвенную дискриминацию, оскорбление действием, отказ в разумном приспособлении.

Помимо этого, на защиту прав инвалидов направлен и Закон Республики Беларусь от 14.06.2007 г. № 239-З (ред. от 09.01.2017) «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан».

Об актуальности вопроса обеспечения недискриминации людей с инвалидностью свидетельствует и тот факт, что в ст. 47 Проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь включено положение, которое указывает, что государство проявляет особую заботу в отношении

определенных категорий лиц, к которым отнесены и инвалиды. А также сказано, что «инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина. Государством реализуется политика социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами».

На наш взгляд, законодательство Республики Беларусь соответствует тем международным стандартам, которые регулируют права инвалидов, созданы все предпосылки для того, чтобы в будущем дискриминации по данному признаку не существовало. Однако, как нам кажется, еще является довольно значимой проблемой именно создание безбарьерной среды, чтобы люди с инвалидностью не только имели права, но и могли их свободно реализовывать. В данном вопросе целесообразно было бы в рамках государства провести мероприятия, направленные на повышение уровня информированности, понимания и признания инвалидности в качестве проблемы прав человека. Люди с инвалидностью ежедневно сталкиваются с дискриминацией и препятствиями, которые мешают им участвовать в жизни общества наравне с другими, поэтому вопрос прав людей с инвалидностью требует особого внимания в современном обществе во избежание нарушения прав данной категории лиц.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОЕКТЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Збицкий Алексей Юрьевич

*студент 3 курса юридического факультета Белорусского государственного
университета, zbitskiy2020@mail.ru*

науч. рук. – Кондратович Н. М., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. В статье анализируются основные изменения правового статуса Президента Республики Беларусь, которые содержатся в проекте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь. Рассматривается соответствие предложенных подходов общемировым тенденциям конституционно-правового развития государств на современном этапе. Определяется место Главы государства в системе органов государственной власти в проекте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: Президент Республики Беларусь; правовой статус; полномочия; требования к кандидатам; конституционно-правовая ответственность.

Недавнее обнародование проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь стало значимым событием, затронувшим все сферы государственной и общественной жизни. Особое внимание направлено на изучение и осмысление предложенной системы высших органов государственной власти, так как помимо уже функционирующих институтов, появляется новый для нашей правовой действительности орган: Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС). Изменения, в той или иной

мере, затронули всю существующую систему высших органов государственной власти, в том числе институт Главы государства. Проанализируем предложенные изменения правового статуса Президента Республики Беларусь, сравним их с существующими тенденциями конституционно-правового развития зарубежных стран и сделаем вывод об обоснованности и значении данных изменений.

Конституционно-правовая характеристика Главы государства не претерпела каких-либо изменений: «Президент Республики Беларусь является Главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина» (ч. 1 ст. 79 Конституции). Данный факт позволяет сделать вывод о том, что место Президента Республики Беларусь в системе высших органов государственной власти существенно не изменится, он останется арбитром, стоящим над остальными ветвями власти.

Значительные изменения касаются требований, предъявляемых к кандидату на должность Президента: Президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 40 лет (в действующей Конституции – не моложе 35 лет), обладающий избирательным правом, постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 20 лет (в действующей Конституции – не менее 10 лет) непосредственно перед выборами. Данные изменения схожи с теми, которые были внесены в Конституцию Российской Федерации в 2020 году (ч. 2 ст. 81 Конституции Российской Федерации). Данные изменения связаны с обеспечением гарантии понимания кандидатом условий жизни в стране, существующих проблем и настроений внутри общества [1, с. 89].

Кроме того, в ст. 80 проекта сказано, что Президентом может быть избран гражданин не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества. Схожая норма также была ранее внесена в Конституцию Российской Федерации (ч. 2 ст. 81 Конституции Российской Федерации) и она, на наш взгляд, является гарантией недопустимости иностранного влияния на будущего Президента.

В ст. 81 проекта предложено ограничить количество сроков, в течении которых одно и то же лицо может быть Президентом, до двух. Данная норма содержалась в Конституции Республики Беларусь в ее изначальной редакции (ст. 97), возвращение к такому подходу считаем обоснованным. Подобное ограничение содержится в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 81), Конституции Польши (ч. 2 ст. 127), 22-ой поправке к Конституции США. Во многих государствах норма, ограничивающая количество президентских сроков, сформулирована как «не более 2-х сроков подряд». Данный подход применен в Конституции Литвы (ч. 3 ст. 78), Конституции Финляндии (ч. 2 параграфа 54), Конституции Франции (ч. 2 ст. 6) и др. Ограничение количества сроков до 2-х создает предпосылки для включения в избирательный процесс большего количества граждан: при наличии новых кандидатов необходимо подходить к выбору Главы государства с большим вниманием и

ответственностью, чем в ситуации, когда кандидат уже знаком большинству избирателей.

Существенным изменениям подверглась ст. 84, в которой содержится большинство полномочий Главы государства. Президент лишен права назначать и освобождать от должности членов ЦИК (в проекте – предлагает кандидатов, предложение согласовывается с Президиумом ВНС, члены ЦИК избираются ВНС, им же освобождаются от должности), судей Конституционного Суда и Верховного Суда, которые назначаются и освобождаются от должности в том же порядке, как и члены ЦИК. Председатель КГК назначается с предварительного согласия Совета Республики (в действующей Конституции – единолично Президентом). Судьи судов общей юрисдикции, как и в действующей Конституции, назначаются Президентом. Определено право Главы государства назначать помощников и уполномоченных. В качестве основания, при наступлении которого Президент вводит чрезвычайное положение, определены попытки насильственного изменения конституционного строя, захвата или присвоения государственной власти, вооруженного мятежа, массовые и иные беспорядки. Остальные полномочия остались прежними.

Предложенные в проекте изменения полномочий Главы государства касаются в основном его участия в формировании органов государственной власти. Наиболее существенные изменения – Президент более не назначает членов ЦИК, Конституционного Суда и Верховного Суда. Данный подход является, по нашему мнению, отражающим существующие тенденции конституционно-правового развития большинства современных государств. Глава государства не должен обладать единоличным правомочием назначать судей государства, данное правомочие должно быть разделено между несколькими органами. Так, Президент Польши по предложению Всепольского Судебного Совета назначает судей на неопределенное время (ст. 179 Конституции), а также назначает Первого Председателя Верховного Суда, Председателя Высшего Административного Суда, Председателя и Вице-председателя Конституционного Трибунала из числа кандидатов, предложенных судьями данных судов (ст. 183, 185 и 194 Конституции Польской Республики). В проекте Глава государства единолично назначает судей судов общей юрисдикции и освобождает их от должности. Данный подход, по нашему мнению, следовало бы несколько изменить, воспользовавшись опытом организации судебной власти в Польше, Франции и Италии. В данных государствах судьи или назначаются Президентом по предложению органов судейского самоуправления (ст. 179 Конституции Польши), или Глава государства, наряду с другими органами государственной власти, участвует в формировании органа, назначающего судей государства (ст. 65 Конституции Франции), или возглавляет орган судейского самоуправления, но не избирает судей единолично (ч. 10 ст. 87 Конституции Италии). Данные подходы считаем более обоснованными, так как в них в большей степени проявляется реализация принципа независимости судебной власти.

В ч. 2 ст. 85 проекта закреплено, что указы и распоряжения Президента не должны противоречить законам. Данная норма выполняет превентивную функцию, так как исходя из ее содержания, мы можем сделать вывод, что более не будет коллизий между актами Главы государства и законами.

Значительным изменениям подверглись нормы, регулирующие привлечение Главы государства к конституционно-правовой ответственности и определяющие преемственность полномочий Президента.

В ч. 2 ст. 88 проекта сказано, что Президент может быть смещен с должности ВНС в случае систематического или грубого нарушения Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления. Отметим два момента, на которые мы хотели бы обратить внимание при анализе данной нормы.

Во-первых, в действующей Конституции вопрос импичмента Президента отнесен к компетенции Национального Собрания. Передача данного правомочия ВНС позволит разрешать данный вопрос с учетом мнения большинства граждан Республики Беларусь, так как ВНС в проекте - высший представительный орган народовластия Республики Беларусь (ч. 1 ст. 89-1).

Во-вторых, существует коллизия, которая присутствует и в действующей Конституции. Закрепление нормы «совершения государственной измены или иного тяжкого преступления» является неверным с точки зрения уголовного права. Президент – это должностное лицо, занимающее ответственное положение (п. 1 ч. 5 ст. 4 УК Республики Беларусь). Согласно ч. 2 ст. 356 УК Республики Беларусь, измена государству, совершенная должностным лицом, занимающим ответственное положение, или лицом, на которое распространяется статус военнослужащего наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом или без штрафа. Данное преступление относится к категории особо тяжких (ч. 5 ст. 12 УК Республики Беларусь). Указанная коллизия исправлена в Законе Республики Беларусь от 08.07.2008 г. № 370-З (ред. от 17.07.2018 г.) «О Национальном собрании Республики Беларусь» (ст. 14), Регламенте Палаты представителей (ч. 1 ст. 225) и в Регламенте Совета Республики (ч. 1 ст. 242), следует обратить на нее внимание и в проекте изменений и дополнений Конституции.

В ч. 3 ст. 88 проекта сказано, что предложение о выдвижении обвинения Президенту и смещении его с должности вносится ВНС по инициативе не менее одной трети от полного состава Палаты представителей или не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом. Расследование обвинения организуется ВНС. Данный подход расширяет количество субъектов, участвующих в процедуре привлечения Главы государства к конституционно-правовой ответственности, что является позитивным моментом с точки зрения провозглашения народа единственным источником государственной власти (ч. 1 ст. 3 Конституции).

Также в проекте закреплено участие Конституционного Суда в процессе импичмента (дача заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения Президентом Конституции), необходимость получения

согласия большинства членов ВСН для смещения Президента, а также срок на принятие данного решения продлен до 2-х месяцев (в действующей Конституции – месяц). Данные изменения, по нашему мнению, являются своевременными и повышающими эффективность осуществления процедуры импичмента.

В проекте присутствует ст. 88-1, в которой закреплён новый порядок передачи полномочий Президента в случае вакансии должности или невозможности исполнения Главой государства своих обязанностей: полномочия переходят к Председателю Совета Республики (в действующей Конституции – к Премьер-министру). Кроме того, расширены полномочия Совета Безопасности в случае гибели Президента.

В ст. 89 проекта закрепляется неприкосновенность не только действующего Главы государства, но и Президента, прекратившего исполнение своих полномочий, а также невозможность привлечения бывшего Президента к ответственности за действия, совершенные в связи с осуществлением им президентских полномочий.

Таким образом, правовой статус Президента Республики Беларусь в проекте изменений и дополнений Конституции не претерпел существенных изменений. Однако, предложенные ограничения (повышение возрастного ценза, ужесточение ценза гражданства, лишение права назначать членов ЦИК, Верховного Суда, Конституционного Суда, расширение круга субъектов, участвующих в процедуре импичмента) увеличивают роль других высших органов государственной власти, в частности, ВНС.

Библиографические ссылки

1. Збицкий, А. Ю. Сравнительно-правовой анализ статуса Президента Республики Беларусь и Российской Федерации / А. Ю. Збицкий // Осенние чтения «Молодежь и право»: материалы I междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 19 ноября 2020 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: А. А. Пухов (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 89-90.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Игнатенко Андрей Сергеевич

Аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета, andrey.sergeevich.ignatenko@gmail.com

науч. рук. – Василевич Г.А., док. юрид. наук, проф.

Аннотация. В работе проведен анализ современных правовых моделей воинской обязанности, предложена авторская классификация правовых моделей воинской обязанности. Осуществлен сравнительно-правовой анализ способов закрепления порядка исполнения воинской обязанности, как основного и непосредственного исполнения конституционной обязанности по защите государства на примере государств-членов

Организации Договора о коллективной безопасности. Выделен приоритетный (основной) способ исполнения конституционной обязанности по защите Республики Беларусь.

Ключевые слова: конституционная обязанность по защите Республики Беларусь, правовые модели воинской обязанности, воинская обязанность, воинская служба, Организация Договора о коллективной безопасности.

Основным из приоритетов любого современного государства является обеспечение безопасности своих граждан, суверенитета государства, как от угроз, возникающих внутри государства ввиду определенных обстоятельств, так и внешних вызовов и рисков. В настоящее время учеными-правоведами не разработана универсальная правовая модель обязанности граждан по защите государства, которая могла бы учесть существующую специфику построения, исторического развития конкретной страны и предусмотреть для этого всесторонний правовой механизм. Реализация безопасности в различных государствах осуществляется по-своему, однако одним из основных правовых способов постоянного поддержания должного уровня защиты от внешних угроз является нормативное закрепление специфических правовых институтов, регламентирующих своевременное реагирование на внешние угрозы в национальном законодательстве соответствующих стран.

Одним из основных способов защиты государства от внешних угроз является прохождение гражданами своего государства воинской службы. Современные правовые модели воинской обязанности, как отмечается, подразделяются на мобилизационную, выборочную, всеобщую и гендерно-нейтральную [1].

Мобилизационная модель предполагает возможность проведения призыва только в периоды угрозы национальной безопасности. Правовая основа регулирования воинской обязанности может быть не завершена и даже ограничиваться только нормами конституции.

Выборочная модель основана на использовании случайных методов отбора направляемых на военную службу призывников из их общей массы. Призыв проводится регулярно. В случае военной угрозы в основу отбора на военную службу может быть положен как всеобщий, так и выборочный принцип.

Всеобщая модель, в свою очередь, основана на максиме обязательности прохождения службы всеми подлежащими призыву лицами. Исключает какой-либо элемент удачи, приводящий к освобождению от службы. Призыв проводится регулярно. Инструментами регулирования соответствия количества направляемых на военную службу призывников потребностям вооруженных сил выступают отсрочки и освобождения от военной службы, уступая в этом смысле оперативности выборочной модели.

В классификации выделяется также такая достаточно современная правовая модель, как гендерно-нейтральная. Воинская обязанность в равной степени распространяется на мужчин и женщин. В некоторых государствах (к примеру, в США) приняты акты, позволяющие проходить военную службу трансгендерам. Хотя срок военной службы по призыву может

дифференцироваться по половому признаку. Данная модель является наследницей всеобщей модели и отличается наиболее широким охватом населения воинской обязанностью. Также предполагает обязательную военную службу и в мирное время, и в случае военных угроз.

Правовые модели, как формы отражения правовой действительности, несущие информацию об объекте, которым является защита государства, находят свое отражение, как правило, в основном законе государства, то есть, в конституции. В положениях основного закона ряда государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), а именно в таких как: Республика Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, а также Российская Федерация, установлена конституционная обязанность по защите своего государства.

Правовые модели воинской обязанности государств, использованные для проведения сравнительно-правового анализа по выделенным критериям, за исключением Российской Федерации, относятся к всеобщей. Стоит обратить внимание, что современные подходы к реализации воинской обязанности в национальных правовых системах государств-членов ОДКБ хоть и закреплены в основном законе косвенно, однако конкретизируются в соответствующих законодательных актах, определяющих порядок исполнения конституционной обязанности по защите государства.

В ст. 57 Конституции Республики Беларусь 1994 г. определено, что защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь. Порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом.

Требования ст. 57 Конституции Республики Беларусь нашли свое отражение в Законе Республике Беларусь от 05.11.1992 г. №1914-ХП «О воинской обязанности и воинской службе», где установлены правовые и организационные основы исполнения гражданами Республики Беларусь воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь). Воинская обязанность – обязанность граждан Республики Беларусь, устанавливаемая в целях создания и постоянного функционирования системы мероприятий, обеспечивающих защиту Республики Беларусь, прохождение гражданами воинской службы, подготовку их к вооруженной защите Республики Беларусь.

Ч. 3 ст. 14 Конституции Республики Армения 1995 г. установлено, что каждый гражданин обязан в установленном законом порядке участвовать в защите Республики Армения.

Закон Республики Армения от 16.09.1998 г. «О воинской обязанности» регулирует отношения, связанные с организацией и проведением в Республике Армения воинского учета граждан, их подготовки к военной службе, призыва, военной службы и подготовки в резерве. Ст. 3 Закона конкретизирует, что воинская обязанность представляет собой конституционную обязанность граждан участвовать в защите Республики Армения. Военнообязанными считаются граждане мужского пола допризывного, призывного возраста и

состоящие на учете в резерве, а также граждане женского пола, имеющие военную специальность или прошедшие военную службу.

Ст. 36 Конституции Республики Казахстан 1995 г. закреплено, что защита Республики Казахстан является священным долгом и обязанностью каждого ее гражданина. Граждане Республики несут воинскую службу в порядке и видах, установленных законом.

Закон Республики Казахстан от 12.02.2012 г. №561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащего», изданный в развитие ст. 36 Конституции, регулирует общественные отношения в сфере прохождения воинской службы гражданами Республики Казахстан и определяет основы государственной политики по установлению статуса военнослужащих. Ст. 1 Закона содержит указание, что воинская обязанность есть конституционная обязанность граждан Республики Казахстан по защите Республики Казахстан.

Ст. 54 Конституции Кыргызской Республики 2021 г. установлено, что защита Отечества – священный долг и обязанность граждан Кыргызской Республики. Граждане Кыргызской Республики несут военную службу в пределах и на условиях, установленных законом. Основания и порядок освобождения от несения военной службы или замены ее альтернативной службой устанавливаются законом.

Закон Кыргызской Республики от 09.02.2009 г. №43 «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах» регулирует общественные отношения, касающиеся воинской обязанности, военной и альтернативной служб в целях реализации гражданами Кыргызской Республики конституционного долга и обязанности по защите Отечества.

Ст. 43 Конституции Республики Таджикистан 2000 г. определено, что защита Родины, охрана интересов государства, укрепление его независимости, безопасности и оборонной мощи – священный долг гражданина. Порядок прохождения военной службы определяется законом.

Законом Республики Таджикистан от 02.01.2021 г. №1753 «О воинской обязанности и военной службе» регулируются общественные отношения, связанные с исполнением гражданами Республики Таджикистан воинской обязанности и военной службы. Вместе с тем ст. 1 Закона устанавливает, что воинская обязанность есть конституционная обязанность граждан Республики Таджикистан по защите Родины, защите интересов государства, укреплению его независимости, безопасности и оборонной мощи.

Ст. 59 Конституции Российской Федерации 1993 г. определено, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой, что также предусмотрено законами Беларуси и Кыргызстана.

Федеральным Законом Российской Федерации от 28.03.1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» осуществляется правовое регулирование в области исполнения воинской обязанности и военной службы в целях реализации гражданами Российской Федерации конституционного долга и обязанности по защите Отечества, а также правовое регулирование поступления на военную службу и военной службы в Российской Федерации иностранных граждан.

Закон в своем содержании не содержит нормативного закрепления понятия «воинская обязанность». Вместе с тем, воинская обязанность граждан Российской Федерации предусматривает: воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв на военную службу, прохождение военной службы по призыву, пребывание в запасе, призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе.

Важным представляется, что в анализируемых подконституционных законах государств-членов ОДКБ, лишь законодатель Кыргызской Республики выделяет воинскую обязанность как всеобщую обязанность граждан Кыргызской Республики по защите Отечества.

Подводя итог исследованию правовых моделей конституционной обязанности защиты государства, можно сформулировать несколько выводов.

Во-первых, исходя из предпринятого исследования, представляются важными требования ст. 57 Конституции Республики Беларусь, что защита Республики Беларусь есть обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь. По мнению автора, ст. 57 должна приобрести статус нормы прямого действия, и дополнена условием, при котором непосредственное и основное исполнение конституционной обязанности защиты Республики Беларусь гражданами осуществляется в составе Вооруженных Силах Республики Беларусь.

Во-вторых, на основе комплексного правового анализа правовых моделей воинской обязанности, как основной обязанности граждан по защите государства, представляется возможным подразделить категории правовых моделей на конституционные, которые определены конституцией и подконституционные, которые нашли свое нормативное закрепление в законодательных актах. Практическое значение выделения данных категорий позволит повысить эффективность первичного восприятия, обеспечит правильное последовательное определение места правовых моделей воинской обязанности в системе национального права каждого государства-члена ОДКБ и сформировать основу для гармонизации (унификации) соответствующего законодательства. В-третьих, ввиду достаточно однородного состава норм, закрепленных конституциями государств-членов ОДКБ, схожести терминологического наполнения конституционной обязанности защиты государства (к примеру, гипотезы, описывающие условия выполнения конституционной обязанности по защите государства, в том числе обязательное гражданство и определенный возраст; диспозиции, устанавливающие порядок защиты государства) представляется своевременным, целесообразным и актуальным в рамках ОДКБ провести

гармонизацию законодательств государств-членов, устанавливающих правовую модель воинской обязанности.

Правовые модели воинской обязанности из-за многообразия национальных правовых систем континентальной правовой семьи, современного влияния других систем права (к примеру, англосаксонской и (или) мусульманской семей), глобальных внешних и внутренних вызовов и угроз не могут быть ограничены или «запечатаны» определенным не развивающимся механизмом правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. Слесарский, К.И. Современные правовые модели воинской обязанности : Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / К.И. Слесарский. – Вып. 5-ый. – DOI: 10.12737, 2018. – 46 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

Каспирович-Шумак Анастасия Александровна

аспирантка 3 года обучения юридического факультета Белорусского государственного университета, nastyakaspirovich@gmail.com

науч. рук. – Василевич Г.А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. В условиях динамичного развития информационных правоотношений вопросы развития правового института информационных ресурсов приобретает особое значение. В статье рассматривается развитие информационных ресурсов, понятие информационного ресурса, предусмотренное законодательством об информации, информатизации и защите информации, высказываются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: информация, информационный ресурс, информационное общество, информационное законодательство, право на информацию.

Ключевым составляющим современного развития общества выступает информация и, как следствие, информационные ресурсы. Возрастающие потоки информации требуют определенных действий со стороны лиц, предоставляющих необходимую информацию. Информация является одним из важнейших ресурсов жизнедеятельности современного общества, и ее передача в рамках общественных отношений является необходимым условием его прогрессивного и непрерывного развития. Стремительное развитие информационных ресурсов требует определенных мер по совершенствованию их функционирования, чтобы удовлетворить растущие потребности социального, экономического, информационного и иного характера. Анализ потребностей позволит правообладателям информационных ресурсов прогнозировать и оперативно усовершенствовать работу ресурсов. Важной составляющей является выявление интересов и потребностей пользователей, своевременное размещение и предоставление полной и достоверной информации (как новостную, так и официальную информацию).

Роль информационных ресурсов как одного из ключевых факторов, обеспечивающих устойчивый экономический рост, благоприятный инновационный климат, обуславливает необходимость всестороннего анализа процессов, происходящих в информационной сфере, исследование новых, ранее не изученных явлений и проблем обеспеченности и функционирования информационных ресурсов. Создание полноценного информационного обеспечения для поддержки принятия решений является актуальной проблемой, решение которой обеспечит эффективное и комплексное развитие информационных технологий. В виду слабой разработанности тематики и практического отсутствия методик оценки эффективности использования информационных ресурсов при наличии постоянно растущей востребованности в подобных информационных ресурсах, рассматриваемая тема является особо актуальной [1, с. 3]. Научное понимание ресурса, основанное на современных представлениях теории систем, заключается в определении его в виде совокупности (структуры) каких-то связанных между собой элементов или единиц, в сумме обладающих качественными системными свойствами и собственными внешними признаками, позволяющими данной совокупности существовать локализованной и обособленной в пространстве и времени. Для информационного ресурса единицей является информация [2, с. 119].

Общая правовая характеристика информационного ресурса представляет собой систематизированную совокупность юридических свойств (предикатов) и признаков, вытекающих из сущности информации в ее ресурсном содержании [3, с. 126]. Согласимся с мнением Т.З. Шалаевой, которая отмечает, что проведенные исследования подтверждают, что информационное законодательство – комплексная отрасль, включающая как некоторые отрасли законодательства целиком и специальные нормативные акты, полностью посвященные проблемам информационной сферы, так и отдельные информационно-правовые нормы в актах других отраслей законодательства, в которых используются понятия «информация» и «информационный ресурс» [4].

Применение современных информационных технологий позволило начать перевод накопленной человечеством информации в электронную форму и создание новых видов информационных ресурсов в электронном виде, без использования которых немислимо становление современного информационного общества. После перевода в электронную форму и интеграции в единую систему информационные ресурсы приобретают качественно иной статус, обеспечивающий более эффективную организацию, производство, распространение, хранение и использование информации. В структурном, предметном восприятии информационный ресурс представляет собой «массив или определенный документ, другой визуально воспринимаемый информационный объект, который аккумулирует сведения (информацию), сформированные по определенному признаку или критерию [5, с. 21].

Согласно теоретическим концепциям постиндустриального общества в истории развития человечества выделяю три этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Последний характеризуется резким возрастанием роли информации и знания в экономике, снижением доли материального производства, возрастанием доли сектора услуг и информации, трансформацией социально-экономических отношений [6, с. 19]. Собственно понятие «информационные ресурсы» появилось лишь в 80-е годы XX века и связано с выходом в свет книги Г.Р. Громова «Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленного использования», что было обусловлено растущей зависимостью промышленно развитых стран от источников информации (технической, экономической, политической, военной), а также от уровня развития и эффективности использования средств передачи и переработки информации [7, с. 7].

Профессор И.Л. Бачило на основе научного анализа и через определение «человеческой деятельности» дает следующее определение понятия «ресурс»: «ресурс (ресурсы) – необходимый системообразующий элемент (или условие) организации конкретной целесообразной человеческой деятельности, в ходе которой входной ресурс преобразуется в выходной ресурс заданной формы и качества в соответствии с установленными целями деятельности» [8, с. 26].

Позитивно можно оценить позицию автора А.Ю. Цыреновой, которая предлагает следующее определение: под информационным ресурсом понимается «совокупность накопленных и научно систематизированных индивидуальных и коллективных знаний (отдельные документы, отдельные массивы документов, а также документы и их массивы, составляющие базы и банки данных, базы знаний, библиотеки, архивы, фонды, информационные системы и другие системы в определенной предметной тематической области), обладающих определенной потребительской полезностью и востребованных различными субъектами экономики, социально-экономическими системами в целях обеспечения эффективности их функционирования (информационный фактор развития)» [9, с. 8]. Данное определение позволяет более полно раскрыть содержание, роль, функции и типы информационных ресурсов, их качественную характеристику. Предложенное автором понятие в широком смысле отображает суть информационных ресурсов, отмечает использование рассматриваемых ресурсов различными субъектами и включение в них информации для использования широким кругом лиц.

Обратимся к мнению Е.В. Джеломанова, который понимает под информационным ресурсом упорядоченную совокупность данных научного, социально-экономического, политического, правового, природного, технического, технологического характера, зафиксированных на носителе, обеспечивающем передачу ресурса для любого совершенствования тактической и/или стратегической деятельности экономических агентов различного уровня [1, с. 16–18]. Отметим, что содержанием информационного ресурса в соответствии с такими воззрениями является знание, то есть обработанная человеческим интеллектом информация. Достоинством данного

определения, по мнению Е.В. Джеломанова, является указание на возможность приращения информационного ресурса в ходе его использования.

Легальное определение понятия «информационный ресурс» нашло свое отражение в основополагающем нормативном правовом акте в информационной сфере – Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон) и закрепляет следующее понятие: «информационный ресурс – организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах». Исходя из закрепленной в Законе дефиниции можно сделать вывод о том, что информационный ресурс включает в себя лишь документированную информацию. По нашему мнению, данная дефиниция устарела, поскольку в настоящее время в информационные ресурсы включается не только документированная информация, но и иная информация. В качестве примера приведем норму п. 8¹ ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации», согласно которой в качестве информационного ресурса выступает интернет-ресурс, представляющий собой «интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещенный в глобальной компьютерной сети Интернет, посредством которых распространяется массовая информация».

Помимо Закона анализируемое понятие встречается и в других правовых актах. К примеру, Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» не закрепляет легальное определение информационного ресурса, одновременно стоит отметить, что в предыдущей версии Закона Республики Беларусь от 6 октября 1994 г. № 3277-ХІІ «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» содержалось понятие информационного ресурса, под которым понималась «организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных и другие массивы информации в информационных системах».

Учитывая вышеизложенное, предлагаем внести изменения в Закон в части актуализации понятия «информационный ресурс». Таким образом, по нашему мнению, под информационным ресурсом в широком смысле необходимо понимать организованную совокупность информации, распространяемую на неопределенный круг лиц, включающей в себя комплекс баз данных, позволяющий осуществлять поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение и пользование информацией.

Исходя из проведенного исследования становления и развития правового института информационных ресурсов сделаем следующие выводы.

Информация выступает в качестве важнейшего ресурса формирования и развития информационных отношений и процессов, протекающих в обществе. Наряду с термином «информация» в законодательстве закреплено понятие

«информационный ресурс». Исходя из проведенного анализа ученых, а также законодательства можно отметить, что единого мнения не выработано.

Проведенный анализ закрепленного в законодательстве Республики Беларусь понятия «информационный ресурса» позволяет отметить, что анализируемое понятие в узком смысле раскрывает сущность информационного ресурса. Учитывая динамичное развитие информационных технологий, широкое применение их в современном обществе, появление новых информационных ресурсов, переход к цифровым технологиям показывает на определенное отсутствие активности со стороны государственных органов в совершенствовании информационного законодательства, в данном случае, актуализацию понятийного аппарата Закона. В связи с чем, на наш взгляд, понятие «информационный ресурс», закрепленное в Законе, нуждается в актуализации.

Библиографические ссылки

1. Веревченко, А.П. Информационные ресурсы для принятия решений: Учебное пособие / А.П. Веревченко, В.В. Горчаков, И.В. Иванов, О.В. Голодова. М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 560 с.
2. Шалаева, Т.З. Национальный информационный ресурс: иерархическая модель и структура / Т.З.Шалаева // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 119–121.
3. Шалаева, Т.З. Правовая характеристика информационных ресурсов / Т.З.Шалаева // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 122–127.
4. Шалаева, Т.З. Проблемы становления информационного права: сб. науч. ст. БГУ / Т.З. Шалаева. – Минск: Веды, 2008. – С. 167–170.
5. Силков, С. Информационные ресурсы Беларуси, их классификация и нормативно-правовое регулирование / С.Силков // С. 21–28.
6. Филимонов, Д.Н. Информационные ресурсы государственного регулирования региональной социально-экономической системы: автореф. ... дис. канд. эконом. наук / Д.Н.Филимонов – Орел, 2007. – 24 с.
7. Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленного использования. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
8. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / А.А. Антопольский [и др.]; отв. ред. И.Л. Бачило; Рос. акад. наук. Ин-т гос-ва и права. – М.: Наука, 2003. – 403 с.
9. Цыренова, А.А. Информационные ресурсы как фактор развития экономики региона: автореф. ... дис. канд. эконом. наук / А.А.Цыренова – Улан-Удэ, 2011. – 23 с.
10. Джеломанов, Е.В. Информационный ресурс в теории факторов производства / Е.В. Джеломанов // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2007. – № 1. – С. 15–19.

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кузьменкова Татьяна Николаевна

*аспирантка юридического факультета Белорусского государственного
университета, kuzmenkova@msu.by*

науч. рук. – Шавцова А.В., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. В статье затронуты проблемные аспекты обеспечения информационной безопасности личности в условиях глобализации. Прежде всего сделан акцент на контенте информационных угроз и допустимости общемировых стандартов в данной области. Исследуется влияние мировоззренческих, ценностных основ конкретного социума на составляющие информационной безопасности как личности, так и государства, а также соотношение информационной безопасности личности и национальной безопасности государства, в том числе в плоскости института гражданства. Раскрытие заявленной темы проводится сквозь призму проблематики самой концепции прав человека, в частности, проблемы ее универсальности.

Ключевые слова: информационная безопасность личности; права человека; национальная безопасность государства; глобализация; угрозы в информационной сфере; мировоззрение; ценности; гражданство.

Информационная безопасность на сегодняшний день является объектом пристального внимания со стороны как юридической науки, так и непосредственно процесса правотворчества. В большинстве своем развитие данной категории идет сквозь призму национальной безопасности государства, что обусловлено произошедшими за сравнительно небольшой период времени преобразованиями, поставившими информационную сферу на качественно иной уровень. Вследствие глобальных изменений информационное пространство может быть использовано для вмешательства во внутренние дела государства, преднамеренной дискредитации его конституционных основ, побуждению к гражданскому неповиновению (так называемые гибридные и информационные войны, «цветные революции»). «Все это выдвигает отчетливые требования эффективно противостоять возникающим рискам, вызовам и угрозам в информационном пространстве, прогнозировать и адекватно реагировать на наиболее острые и организованные информационные акции по деформации общественного сознания и снижению уровня национальной безопасности в целом» [1].

Как результат научной и практической разработки сферы информационной безопасности 18 марта 2019 г. постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, определившая информационную безопасность как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Кроме того в документе дано понятие деструктивного информационного воздействия: осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические

процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности.

Между тем информационная безопасность может рассматриваться не только как составляющая национальной безопасности. Рассмотрение данной категории исходя из интересов отдельной личности может внести существенные дополнения в сферу прав и свобод человека. Более того, отдельные аспекты информационной безопасности (содержание угроз в информационной сфере) наглядным образом демонстрирует всю неоднозначность сложившегося в мире подхода к пониманию прав человека, претендующего на роль универсального в рамках протекающего процесса глобализации.

Информационная безопасность личности в науке определяется как состояние защищенности личности, определяемое ее способностью противостоять внутренним и внешним вызовам и угрозам в информационной сфере, а также возможностью информационного государства и информационного общества гарантировать и обеспечивать информационную безопасность личности [2, с. 49].

Угрозы в контексте воздействия на личность могут преследовать различные цели, такие как: «воздействие на сознание личности, на ее психологическое состояние; оказание деструктивного, наносящего вред влияния на здоровье личности; овладение личной информацией, в том числе – с целью использования ее в противоправных целях; распространение идеологии терроризма, радикальных идей в сети Интернет; воздействие на половую неприкосновенность и половую свободу личности; финансовое мошенничество, развитие антиобщественных стереотипов поведения и т.д.» [2, с. 225].

Если обратиться к нормам Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) информационная безопасность личности так или иначе сопровождает процесс реализации подавляющего большинства прав и свобод человека. В свете сказанного следует выделить ст. 23 Основного Закона, предусматривающую возможность ограничения прав и свобод личности в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Тем самым возможность реализации, например, свободы слова будет существенно ограничена. Определенный отпечаток информационная безопасность личности накладывает и на свободу совести, право на образование, право на охрану здоровья.

Ст. 34 Конституции закрепляет норму, согласно которой гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Информационная безопасность здесь определяется словами «полной», «достоверной» и «своевременной». Тем не менее данная норма не охватывает в полной мере весь содержательный аспект информационной безопасности личности, поскольку, во-первых, охватывает лишь категорию граждан Республики Беларусь, во-вторых, делает акцент прежде всего на обязательстве государственных органов, общественных объединений и должностных лиц предоставлять соответствующую информацию.

По мнению автора, вопросы защиты лица от деструктивного информационного воздействия могут быть отражены в отдельном нормативно-правовом акте, а информационная безопасность личности выделена в качестве отдельной категории в законодательстве. На сегодняшний день данная сфера наиболее проработана в отношении несовершеннолетних. Так, в законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» с изменениями и дополнениями от 11 мая 2016 г. № 362-З (статьи 37¹, 37²), закреплено право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, с раскрытием содержания подобной информации, а также предусмотрены соответствующие меры по защите детей.

В юридической науке высказываются предложения о выделении в качестве отдельного понятия права человека на безопасность в информационной сфере, которое должно охватывать «не просто комплекс правовых и организационных мер, направленных на защиту личной, конфиденциальной информации индивида, а фактическое обеспечение информационной безопасности личности, то есть такого состояния защищенности прав и свобод человека, при котором он огражден от дестабилизирующего воздействия внешних и внутренних угроз в информационной сфере»[3, с. 159].

Таким образом, необходимость разработки сферы информационной безопасности как государства, так и личности продиктована реалиями сегодняшнего дня, и если содержательный аспект первой наполняется в контексте национальной безопасности, то контент второй не может быть в целом однозначным. Проблемы прежде всего протекают в плоскости процесса глобализации, который можно охарактеризовать как «макромасштабный, многоплановый и внутренне противоречивый процесс нарастания общих признаков в мировых системах: экономической, политической, социальной и правовой. В своей основе глобализация – процесс объективный, а его материальной основой становится революция в технической сфере, когда возникают совершенно новые виды коммуникаций, транспорта и информационных технологий» [4].

Так, в качестве одной из основных «болевых точек» глобального информационного общества в условиях вызовов современности А.А. Чеботарева выделяет столкновение культур. «Насыщенная коммуникация между представителями разных этносов и носителей различной культуры, сопряженная с продвижением массовой, унифицированной культуры, постепенно стирает границы между людьми, лишая их уникальной идентичности, национальных особенностей, приверженности территориальным традициям. Кроме того, глобализация определяет формирование у молодого поколения жизненных установок, ценностей, которые могут нарушать связи с предыдущими поколениями и культурными устоями, сложившимися на территории их проживания. Появляется тренд на глобальное объединение и смешение, а также преодоление всех существующих барьеров и отказ от традиционных ценностей, отвергая имеющиеся устои» [2, с. 73-74].

Различие мировоззрений обуславливает проблему универсальности ценностей, а вместе с тем и проблему универсальности самой концепции прав человека (суть проблемы вкратце можно описать следующим образом: возможно ли существование неких единых стандартов при определении перечня, конкретного содержания и механизма реализации прав и свобод человека, либо стоит признать существование множества концепций прав человека, отражающих мировоззренческие основы и особенности развития конкретного общества и государства [5, с. 127].

Понятие «общечеловеческие ценности», упоминаемое во многих международных документах и конституциях подавляющего большинства государств, охватывает лишь ограниченное число универсальных истин, тем самым в глобальном плане процесс установления неких единых стандартов в сфере обеспечения информационной безопасности личности сопряжен с определёнными трудностями. Вопрос прежде всего касается содержательной части информационных угроз. То, что для одного общества является нормой, напрямую составляет угрозу информационной безопасности личности в другом. В качестве примера можно привести пропаганду прав ЛГБТ (аббревиатура ЛГБТ охватывает термины «лесбиянка», «гей», «бисексуал» и «трансгендер» [6]) посредством СМИ и образовательного процесса, освещение темы эвтаназии, вопросы легализации проституции и наркотических средств. Достаточно неоднозначной выступает сфера гендерного равенства, а также интерпретация отдельных исторических событий.

В рамках заявленной темы отметим, что целостное обеспечение информационной безопасности личности возможно лишь в привязке к существующим в конкретном обществе ценностным, мировоззренческим аспектам, и в тесной взаимосвязи с категорией национальной безопасности государства. Так, в соответствии с Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 09.11.2010 г. № 575, утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения

национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции, а также широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям рассматриваются в качестве угроз национальной безопасности государства.

По мнению автора, развитие категории информационной безопасности не только личности в целом, а граждан Республики Беларусь в частности, в определенной степени будет способствовать снятию обозначенных выше проблемных аспектов. Гражданство как особая политико-правовая связь лица с государством определяет специфику при обеспечении отдельных прав и свобод в рамках взаимной ответственности человека и государства (ст. 2 Конституции). Разработка информационной безопасности сквозь призму института гражданства позволит управлять последствиями процесса глобализации прежде всего исходя из интересов народа Республики Беларусь, учитывая при этом ведущую роль Основного Закона, необходимость сохранения национальных ценностных ориентиров и обеспечения национальной безопасности.

Библиографические ссылки

1. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь – взгляд в будущее [Электронный ресурс]// Режим доступа: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_921517.pdf/. – Дата доступа: 19.09.2021.
2. Чеботарева, А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13/ А.А. Чеботарева. – М., 2018. – 473 с.
3. Дудко, М.О. Цифровые права личности / М.О. Дудко // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. ; редкол.: С.А. Балащенко [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – С. 158-159.
4. Понарина, Н. Н. Глобализация и информационное общество [Электронный ресурс]: Общество: политика, экономика, право. 2012, №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-informatsionnoe-obschestvo/viewer>. – Дата доступа: 20.12.2021.
5. Кузьменкова, Т.Н. Проблема универсальности прав человека и возможные пути ее решения /Т.Н. Кузьменкова // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран: сб. материалов IX Междунар. Науч.-практ. Интернет-конф., 1 июня-30 сентября 2020 г., Могилев / под ред. Н.В. Маковской. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулеша, 2021. – 172 с. – С. 126-129.
6. Рождены свободными и равными. Сексуальная ориентация и гендерная идентичность в международном праве в области прав человека [Электронный ресурс]// Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/BornFreeAndEqualLowRes_RU.pdf. – Дата доступа: 02.08.2021.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД

Литвинчук Диана Юрьевна

*аспирантка 2 года обучения юридического факультета Белорусского
государственного университета*

науч. рук. – Ладутько В. К., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. В статье анализируется административное приостановление деятельности как перспективный вид административного взыскания за совершение правонарушений в сфере охраны и использования вод в Республике Беларусь. Определяется современное состояние приостановления деятельности в системе мер административно-правового принуждения Республики Беларусь. Рассматриваются характерные черты административного приостановления деятельности в контексте изучения опыта Российской Федерации по включению данной меры в качестве вида наказания за совершение административных правонарушений. Обосновывается вывод о преимуществах использования данной меры в качестве вида взыскания за совершение правонарушений в сфере охраны и использования вод.

Ключевые слова: экологические правонарушения; охрана и использование вод; административная ответственность; административные взыскания; административное приостановление деятельности.

В Республике Беларусь на настоящий момент административное приостановление деятельности в системе мер административно-правового принуждения рассматривается как мера административного пресечения. Данная мера применяется в случае выявления нарушения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, создающего угрозу причинения вреда окружающей среде (ч. 1 ст. 100 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII). Вместе с тем, имеются точки зрения, связанные с необходимостью введения данной меры в качестве одного из вида административных взысканий для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют вопросы, связанные с перспективой применения данной меры в качестве вида взыскания за совершение административных правонарушений в сфере охраны и использовании вод, в силу особой значимости водных объектов в качестве основы жизни и деятельности человека.

Стоит отметить, что в целом вопрос о введении административного приостановления деятельности в систему административных взысканий в Республике Беларусь был рассмотрен Конституционным Судом Республики Беларусь в 2016 г. (решение от 25 мая 2016 г. № Р-1034/2016 «О правовом регулировании приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей позиция (далее – Решение КС). В частности, в Решении КС было отмечено на «наличие в законодательстве Республики Беларусь правовой неопределенности в регулировании

правоотношений в сфере административной ответственности, связанной с отсутствием норм, устанавливающих меру административной ответственности в виде административного приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Поскольку, и в настоящее время основанием для вынесения решения о приостановлении деятельности органами государственного управления являются противоправные деяния, в том числе, административные правонарушения.

В контексте проведения сравнительно-правового анализа закрепления данной меры в качестве вида взыскания в различных государствах, стоит отметить, что в Российской Федерации административное приостановление деятельности как вид административного взыскания применяется с 2005 г. До введения ее в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 10.01.2022 г.) (далее – КоАП РФ), она также оценивалась по-разному: одни авторы были склонны видеть в приостановлении юридическую санкцию за уже совершенное правонарушение; другие полагали, что приостановление следует относить исключительно к мерам предупреждения и пресечения [1, с. 64]. Анализ различных точек зрения ученых, исследование существа данной меры, позволяет сделать вывод о том, что указанная мера является комплексной и может быть отнесена как к предупредительным мерам, мерам пресечения, а также к мерам административной ответственности одновременно.

Подробнее остановимся на характеристике административного приостановления деятельности, ее особенностях, рассматривая опыт РФ в части установления данной меры в качестве вида административного взыскания. В Российской Федерации данная мера имеет следующие характеристики, из которых следуют ее особенности: 1) назначается только в судебном порядке; 2) назначается только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части КоАП РФ; 3) назначается в случаях, если менее строгий вид административного наказания не может обеспечить достижение цели административного наказания; 4) является высшей санкцией в отношении юридических лиц; 5) устанавливается на срок до 90 суток и является единственным административным наказанием с условным сроком исполнения [2, с. 251].

Стоит отметить определенные отличия административно-деликтного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь. В частности, если в Российской Федерации административное приостановление деятельности действительно является «высшей санкцией в отношении юридических лиц», то в Республике Беларусь к числу административных взысканий, применяемых в отношении юридических лиц, относится лишение права заниматься определенной деятельностью, которое, в контексте сравнения с административным приостановлением деятельности, является более суровым. Однако, данный вид взыскания, закрепленный в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З, не применяется за совершение административных экологических правонарушений.

Ученые, занимающиеся исследованием административного приостановления деятельности как вида административного взыскания, применяемого за нарушения экологического законодательства, исходят из особой значимости данной меры в целях охраны окружающей среды. В частности, В.В. Сосновским указывается на необходимость данного вида взыскания в КоАП РФ по причине «недостаточной эффективности традиционно применяемой санкций за совершение экологических правонарушений – штрафа» [3] в части профилактического потенциала, оказания эффективного воздействия на лиц, совершающих противоправные деяния в сфере экологии.

Значение данной меры в целях защиты окружающей среды действительно сложно переоценить. Применительно к сфере охраны и использования вод, приостановление деятельности позволяет предотвратить последующее возможное загрязнение объекта, что может характеризоваться как наличие «трудновосполнимого или невозполнимого вреда окружающей среде» [4]. При этом важно учитывать взаимосвязь компонентов природной среды, так, сброс сточных вод, может причинить вред не только водным объектам и биоресурсам, но и оказать вред земле. Также загрязнение поверхностных или подземных вод может происходить и «из-за нахождения на земельном или лесном участке полигонов или свалок отходов ..., что представляет потенциальную опасность здоровью населения и, как следствие, ведет к ущемлению экологических прав граждан» [4].

При принятии решения о закреплении данной меры следует иметь в виду, что достаточно часто субъектами совершения правонарушений в сфере охраны и использования вод являются юридические лица. Масштабы их деятельности в случае нарушений требований водного законодательства приносят значительный вред водным объектам, а также могут причинять вред земле, иным компонентам природной среды.

Таким образом, в качестве преимуществ использования данной меры за совершение правонарушений в сфере охраны и использования вод можно назвать следующие:

1. Оказание эффективного превентивного воздействия на субъектов предпринимательской деятельности - потенциальных субъектов административных экологических правонарушений, которые могут нанести значительный вред водным ресурсам, являющихся основой жизнедеятельности.

2. Введение альтернативного штрафа вида взыскания, и, как следствие, увеличение возможностей для дифференциации административной ответственности с учетом всех обстоятельств совершения административного правонарушения в сфере охраны и использования вод.

3. Наибольшая беспристрастность при вынесении решения о применении меры с учетом судебного порядка рассмотрения.

4. Более четкое осознание юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями правовых последствий совершения административных правонарушений в сфере охраны и использования вод.

Вместе с тем, считая весомыми указанные все выше преимущества данной меры в качестве вида взыскания за совершение правонарушений в сфере охраны и использования вод, полагаем возможным рассмотреть вопрос о применении административного приостановления деятельности не судом, а органами государственного управления. Применение органами государственного управления приостановления деятельности также соответствует термину «административное приостановление деятельности». При этом отдельной проработки, определения требуют следующие положения:

Составы административных правонарушений, за совершение которых возможно применение административного приостановления деятельности.

Так, например, в КоАП РФ, предусмотренный данный вид взыскания за самовольное занятие водного объекта или пользование им с нарушением установленных условий (ст. 7.6), нарушение правил водопользования (ч. 1 ст. 8.14, а также за совершение иных правонарушений, предусмотренных ст. 8.12.1, ч.2 ст. 8.13, ч.3 ст. 8. 42, ч. 2 ст. 8.45, ч. 4 ст. 8.45 КоАП РФ.

Сроки административного взыскания в виде административного приостановления деятельности. Так, в РФ максимальный срок приостановления – 90 суток. Как показывает практика применения российского законодательства, административное приостановление деятельности применяется судами не всегда, а срок, на который устанавливается исследуемая мера наказания, в большинстве случаев определяется от 1 до 30 суток [5]. Важно учесть также и те пробелы законодательства, на которые ссылаются российские ученые. Так, например, Д.Н. Рыжков [2] указывает на отсутствие законодательно закрепленного права на досрочное прекращение данного административного наказания.

Принимаемые по отношению к субъектам хозяйствования меры «в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения и устранения причин, послуживших основанием для административного приостановления деятельности» [6, с. 74–75].

Оказание финансовой помощи субъектам хозяйствования для приобретения (обновления) очистных сооружений. Как известно, одной из причин совершения правонарушений в сфере охраны и использования вод является отсутствие у субъектов хозяйствования очистных сооружений или использование устаревших. При этом стоит предусмотреть направление не только государственных средств для финансирования субъектов хозяйствования в этой части.

Возможность применения приостановления деятельности и в качестве меры обеспечения административного процесса и закрепления данного положения в главе 8 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Как проработка данных положений, так и возможное дальнейшее применение данной меры, должны происходить с учетом: соразмерности последствий приостановления деятельности вреду окружающей среде, «который может наступить как в результате продолжения этой деятельности,

так и вследствие ее прекращения» [4]; «соблюдения баланса между правовым положением юридического лица в результате применения данной меры ответственности и реальным практическим эффектом от ее применения в целях пресечения противоправных деяний», на что особое внимание было уделено в Решении КС.

Таким образом, по нашему мнению, административное приостановление деятельности является перспективным видом административного взыскания, которое может применяться к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям за правонарушения в сфере охраны и использования вод. Полагаем, что включение данной меры в систему мер административной ответственности в Республике Беларусь стало бы эффективным средством профилактики административных правонарушений в сфере охраны и использования вод, а также способствовало бы четкому осознанию юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями правовых последствий совершения административных экологических правонарушений, в том числе, в сфере охраны и использования вод.

Библиографические ссылки

1. Цуканов, К. В. О некоторых проблемах применения административного приостановления деятельности / К.В. Цуканов // Закон и право. – 2009. – № 10. – С. 64–66.
2. Рыжков, Д. Н. Об уникальности административного приостановления деятельности как меры административной ответственности / Д.Н. Рыжков // Вестник Воронежского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 241–251.
3. Сосновский, В. Правовое значение и юридические последствия приостановления противоправной экологически значимой деятельности [Электронный ресурс] / В. Сосновский // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-znachenie-i-yuridicheskie-posledstviya-priostanovleniya-protivopravnoy-ekologicheskoi-znachimoy-deyatelnosti>. – Дата доступа: 08.01.2022.
4. Курницкая, А.В. Оценка судами требований об ограничении, приостановлении, прекращении, запрещении деятельности на водном объекте в целях охраны окружающей среды / А. В. Курницкая // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sudami-trebovaniy-ob-ogranichenii-priostanovlenii-prekraschenii-zapreschenii-deyatelnosti-na-vodnom-obekte-v-tselyah-ohrany> . – Дата доступа: 05.01. 2022.
5. Брунер, Р. А. Административное приостановление деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 [Электронный ресурс] / Р.А. Брунер. – М., 2009. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/administrativnoe-priostanovlenie-deyatelnosti> . – Дата доступа: 08.01.2022.
6. Минашкин, Г.Г. Административное приостановление деятельности: проблемы применения административного наказания / Г. Г. Минашкин // Юридическая наука. – 2014. – № 4. – С. 72–77.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ АМНИСТИЙ

Луговская Юлия Витальевна

студентка 4 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, lugovskaya_1@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные подходы к классификации амнистий в отечественной и зарубежной литературе, дана оценка существующих подходов. Разграничиваются понятия «амнистия» и «акт об амнистии». По результатам изучения доктринальных подходов и практики применения амнистий разработан авторский подход к классификации амнистий по различным критериям: по видам ответственности, по характерам ответственности, по целям, по объему, по категориям амнистируемых и по уровню принятия.

Ключевые слова: амнистия; акт об амнистии; классификация амнистий.

Вопрос о классификации амнистий поднимался сравнительно редко в отечественной и зарубежной литературе, но, вместе с тем, он заслуживает внимания для понимания сущности указанного акта милосердия государства.

Классификации амнистий в данных работах различны: в зависимости от источника и территории действия, видов амнистирования, степени условности (безусловности), обобщенности и др.

Различные учёные зачастую не в достаточной степени учитывают возможности амнистии, а равно некоторыми учёными не разграничиваются понятия «амнистия» и «акт об амнистии». Представляется, что указанные понятия соотносятся как сущность и форма соответственно. Акт об амнистии может содержать различные виды амнистий в зависимости от основания классификации.

По мнению О.С. Зельдовой, акты амнистии можно условно разделить на однородные, т.е. обладающие единой сущностью всех элементов состава амнистирования, и разнородные. В результате такой классификации она делит нормы актов об амнистии на позитивные и негативные.

Анализируя акты амнистии первых лет советской власти, О.С. Зельдова подразделяет их по главным функциональным признакам на четыре вида различной направленности: политической; уголовно-политической; разгрузочно-корректирующей; исправительной [3].

В последнем случае автор выводит в классификацию различные основания классифицирования: как цели, которые преследует амнистия (исправительная амнистия), так и виды (формы) амнистии (политическая амнистия схожа с гражданско-политической амнистией у П.И. Люблинского), а равно отдельные акты, которые в сущности на сегодняшний день назвать амнистией не представляется возможным.

В частности, речь идет об «уголовно-политической амнистии», которая сводится, в том числе, к освобождению от уголовного наказания ввиду ослабления общественной значимости деяния или личности.

Констатация ослабления общественной опасности деяния является прерогативой уголовного законодательства, к которому амнистия не имеет отношения. Косвенно свою позицию в этой части высказал Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 25 мая 2015 г. № Р-979/2015 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»»: «... акт амнистии имеет особую правовую природу: он не

отменяет и не изменяет содержание норм уголовного права, не устраняет преступность и наказуемость общественно опасного деяния, не ставит под сомнение законность, обоснованность и справедливость приговора суда, не влечет реабилитации обвиняемых и осужденных лиц».

Если общественная опасность личности ослабла и на этом основании государство считает нужным освободить конкретное лицо от ответственности, то тогда будет иметь место индивидуально-определенный круг лиц, что по смыслу также не есть амнистия.

В некоторых исследованиях встречается и такая классификация видов освобождения по амнистии: полное освобождение от наказания и его отбывания; сокращение срока наказания; замена наказания более мягким; освобождение от дополнительных наказаний; снятие судимости; освобождение от уголовной ответственности [2, 8].

Позиция спорная ввиду того, что данная классификация относится исключительно к уголовно-правовой амнистии. Отрицать ее наличие нельзя, но использовать данную классификацию нужно не в рамках общей классификации амнистий, а в рамках деления уголовно-правовой амнистии на подвиды.

Л.В. Яковлева отмечает: «По форме амнистия — это акт государственного волеизъявления. По содержанию — совокупность норм об изменении правового положения некоторых категорий лиц, подвергнутых уголовной ответственности. Таким образом, можно осуществить классификацию актов об амнистии, если рассматривать амнистию с точки зрения формы ее изложения. Вместе с тем правомерно выделить среди положений, включенных в акты об амнистии, отдельные повторяющиеся группы норм, одинаково влияющих на правовой статус лиц, на которые распространяется действие соответствующей амнистии, то есть классифицировать виды амнистирования» [9].

В позиции Л.В. Яковлевой прослеживается также присущая большинству исследователей трактовка амнистии как меры исключительно уголовно-правового характера.

Многие исследователи предпочли классифицировать не саму амнистию, а только акты об амнистии.

Так, В.Е. Квашис делит акты амнистии по двум критериям: объему их действия и характеру их применения. По объему действия актов они делятся на те, которые подразумевают полное освобождение от наказания, и те, которые подразумевают частичное освобождение от наказания. По характеру применения В.Е. Квашис использует классификацию П.И. Люблинского в части деления актов на условные и безусловные. В данном случае автор не различает понятия «акт об амнистии» и «амнистия» [4].

Л.В. Яковлева также отмечает применительно к классификации актов об амнистии следующее: «Применительно к советскому периоду было справедливо деление актов об амнистии в зависимости, во-первых, от источника их издания, поскольку <...> правом издания таких актов обладали разные органы, а во-вторых, от территории, на которую распространялось

действие акта об амнистии, что, в свою очередь, определялось юрисдикцией издавшего ее органа (общесоюзного или республиканского)» [9].

Представляется, что раз акт об амнистии издается соответствующим государственным органом и имеет все признаки правового акта, сложно отрицать то, что классификация актов об амнистии будет закономерно подпадать под общую классификацию правовых актов по различным основаниям, поэтому детально говорить об этом не приходится. Здесь следует оговориться, что в современных реалиях есть некоторые особенности, например, в пространстве (амнистия принимается исключительно в виде закона), по времени (специфика применения) и по кругу лиц и др., но исторический опыт, а равно современный опыт иностранных государств свидетельствует о том, что акты об амнистии подпадают под общую классификацию правовых актов.

А.В. Шарков по вопросу о классификации отметил следующее: «Не вступая в полемику по данному вопросу, мы придерживаемся классификации, представленной О.С. Зельдовой». Имелась в виду полемика между В.Е. Квашисом, С.И. Комарицким и А.С. Михлиным [7].

Многие авторы отмечают, что «классификация актов об амнистии возможна в зависимости от причин, обусловивших их издание». Представляется, что в данном случае следует говорить не о причинах, а о целях, наглядную демонстрацию которых представил П.И. Люблинский. Однако с учетом современных реалий можно выделить дополнительно ряд других целей. В частности, у П.И. Люблинского была идея этической амнистии, при которой в результате уменьшения репрессивной политики государства закономерно высвобождаются некоторые категории граждан из мест изоляции. Как правило, эта цель не озвучивается, а, напротив, подменяется провозглашением других целей.

Также еще одной новой целью амнистии является объявление ее в связи со знаменательными датами, чтобы поднять общий дух торжества и др. Ранее это практиковалось в рамках династической амнистии, когда монарх преследовал цель укрепления доверия, любви и преданности к действующей династии. В настоящее время это практикуется применительно не к правящей династии, а к государству в целом, поэтому следует говорить о самостоятельном виде амнистии в рамках данной классификации.

Автором предлагается следующая классификация амнистий:

1. По виду ответственности: гражданско-правовая амнистия; дисциплинарная амнистия; административная амнистия; уголовно-правовая амнистия.

Амнистия является прерогативой государства, следовательно, все вышеперечисленные виды ответственности связаны каким-либо образом с государством (нельзя освободить поставщика от ответственности по гражданско-правовому договору между негосударственными юридическими лицами на основании акта об амнистии).

В рамках каждого из видов амнистии в этой классификации можно провести дополнительную классификацию на подвиды в зависимости от того, каким образом будет смягчена участь амнистируемых.

2. По характеру условности: условные; безусловные.

3. По целям: теократическая; династическая; гражданско-политическая; разгрузочно-корректирующая.

Перечень не является исчерпывающим.

4. По объему в части видов правонарушений:

а) общая амнистия — подразумевает освобождение от ответственности в рамках всех категорий правонарушений, практиковалась в Древнем Риме и Древней Греции, в настоящее время ушла в историю и закономерно забыта;

б) частная — определенные виды правонарушений, как правило, в нескольких сферах, на территории стран СНГ преобладает частная уголовно-правовая амнистия;

В рамках данного и последующего вида амнистии возможно как полное освобождение от ответственности с ограничением круга деяний, так и различные действия, направленные на смягчение участи правонарушителя.

в) специальная — определенная сфера правонарушений.

5. По категориям амнистируемых:

а) амнистия физических лиц:

- общая — амнистируются все категории граждан;
- частная — особо выделяется определенная группа граждан без привязки к характеру самой амнистии (как правило, в гуманистических целях, например, таким образом амнистируются ветераны, инвалиды, матери-одиночки и пр.);

- специальная — предусматривает конкретную категорию граждан с привязкой к характеру амнистии.

б) амнистия юридических лиц (можно провести аналогию с амнистированием физических лиц).

П.И. Люблинский в зависимости от целей амнистии выделял также амнистию международно-договорную.

Представляется, что указанный вид амнистии будет включаться в самостоятельную классификацию (представлена ниже).

6. По уровню принятия:

а) национальная;

Государство, не связывая себя международно-правовыми основами, принимает на своей территории акт об амнистии. Международно-правовая окраска и значение на межгосударственном или международном уровне такие амнистии не имеют.

Однако стоит заметить, что при экономической амнистии (особенно явно это прослеживается на примерах амнистии капиталов) может быть нанесен существенный вред экономическому и социальному благополучию другого государства. В мировой практике такие случаи, как правило, касаются таких государств, как Швейцария [1].

б) международно-договорная.

П.И. Люблинский в данном случае приводит следующий пример: «Она (международно-договорная амнистия) предоставляется по окончании войны, чтобы прекратить между сторонами споры из-за отдельных нарушений, могущих дать повод к возобновлению военных действий. Общегосударственного значения она не имеет и предоставляется обыкновенно по соглашению главнокомандующих армиями» [5].

В ряде публикаций можно встретить такие виды амнистии как «дачная», «гаражная», «лесная» и пр.

Некоторые авторы всерьез причисляют их к видам амнистии [8]. В сущности, данные термины ничего общего с амнистией не имеют и являются журналистским термином. Об этом также упоминают специалисты, например, применительно к «дачной амнистии» [6].

Библиографические ссылки

1. Григорьев, Л. Амнистия капиталов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/10/12/amnesty>. – Дата доступа: 30.01.2022.

2. Гришко, А. Я. Амнистия и помилование / А. Я. Гришко. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. – 197 с.

3. Зельдова, О.С. Роль амнистии в осуществлении советской уголовно-правовой политики / О.С. Зельдова. – М., 1982. – 32 с.

4. Квашиш, В. Е. Гуманизм советского уголовного права / В. Е. Квашиш. – М. : Юридическая литература, 1969. – 150 с.

5. Люблинский, П. И. Право амнистии. Историко-догматическое и политическое исследование. / П. И. Люблинский. – Спб. : Сенатская типография, 1907. – 371 с.

6. Стенограмма заседания Президиума Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/mP1ctYmV9Y.doc. – Дата доступа: 30.01.2022.

7. Шарков, А. В. Амнистия в законодательстве Республики Беларусь: история и современность / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 143 с.

8. Энциклопедия уголовного права : энциклопедия : в 35 т. / Малинин В.Б. [и др.] – СПб. : СПб ГКЛ. – 2008. – Т. 11 : Освобождение от уголовной ответственности и наказания. – 450 с.

9. Яковлева, Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве / Л. В. Яковлева. – М., 2002. – 119 с.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА В ПОРЯДКЕ НАТУРАЛИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Малецкая Валерия Норбертовна

*студентка 4 курса юридического факультета Белорусского
государственного университета, maletskaya27@mail.ru*

науч. рук. – Масловская Т.С., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию основных мировых тенденций правового регулирования приобретения гражданства в порядке натурализации и их влияния на законодательство Республики Беларусь. Автор рассматривает основные

изменения, которые уже внесены в законодательство Республики Беларусь о гражданстве, а также анализирует возможные пути дальнейшего совершенствования законодательства в данной области.

Ключевые слова: гражданство; приобретение гражданства; натурализация; условия приобретения гражданства; Республика Беларусь; мировые тенденции.

Натурализация является вторым по распространенности основанием приобретения гражданства после филиации (приобретения гражданства по рождению).

Для приобретения гражданства в порядке натурализации необходимы в совокупности две составляющие: 1) свободное волеизъявление лица приобрести гражданство иностранного государства, выражаемое посредством подачи соответствующего заявления; 2) решение государственного органа об удовлетворении данного заявления. Таким образом, натурализация предполагает совершение действий, которые свидетельствуют о намерении лица приобрести гражданство [3, с. 39 – 40].

В современном мире совершенствование законодательства, касающегося оснований и порядка приобретения гражданства путем натурализации, выражается в формировании более благоприятных условий для привлечения иностранных граждан на территорию соответствующего государства и содействию их натурализации.

Такая тенденция находит свое отражение в тех условиях, соблюдение которых требуется для приобретения гражданства путем натурализации.

На сегодняшний день наиболее широкое распространение получили следующие условия приобретения гражданства в порядке натурализации: определенный срок проживания на территории государства (ценз оседлости), владение официальным языком государства на соответствующем уровне, наличие законного источника существования, знание основ государственного устройства, выход из гражданства иного государства (отказ от него) или его утрата [2, с. 4 -5].

Суть ценза оседлости состоит в том, что натурализация возможна лишь после истечения определенного периода времени, в течении которого лицо проживает на территории соответствующего государства. Необходимо отметить, что снижение ценза оседлости является основной тенденцией в правовом регулировании натурализации.

Так, согласно статистическим данным на 2020 год, в 18 государствах мира ценз оседлости составляет менее 5 лет, в 77 – 5 лет, в 66 – от 6 до 10 лет, в 14 – свыше 10 лет [1, с. 25].

В Республике Беларусь Законом «Об изменении Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» от 10 декабря 2020 г. № 67-З, ценз оседлости был также снижен с 7 до 5 лет.

Как видно, вышеупомянутая тенденция нашла свое отражение в законодательстве Республики Беларусь.

Необходимость владения официальным языком государства на соответствующем уровне также является широко распространенным условием

для приобретения гражданства в порядке натурализации. В законодательстве большинства государств мира не содержится специальных требований, касающихся сдачи какого-либо языкового теста или получения сертификата, подтверждающего владение языком. Однако, законодательство о гражданстве практически всех европейских государств содержит такие критерии [1, с. 27].

Статья 14 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» от 1 августа 2002 г. № 136-З в качестве одного из условий приобретения гражданства в порядке натурализации устанавливает владение заявителем одним из государственных языков в пределах необходимых для общения. Соблюдение данного условия проверяется сотрудником органов внутренних дел, осуществляющим прием документов у заявителя, о чем производится соответствующая запись.

Такое положение законодательства Республики Беларусь в целом соответствует общемировой тенденции упрощения процедуры натурализации и является оптимальным.

Однако, в случае роста количества иностранных граждан, желающих приобрести гражданство Республики Беларусь, целесообразным представляется введение дополнительно языкового теста. Это позволило бы не оставлять оценку уровня владения официальным языком лишь на субъективное усмотрение сотрудника органа внутренних дел и сделать ее более тщательной.

Еще одним не менее распространенным условием приобретения гражданства в порядке натурализации является финансовая состоятельность заявителя.

Введение данного условия в законодательство государств мира является отражением тенденции по исключению возможности приобретения гражданства лицами, которые, являясь финансово несостоятельными, могут стать обременением для государства. Чаще всего данное условие означает необходимость наличия у заявителя законного источника получения доходов, которые могут обеспечить ему нормальную жизнедеятельность [1, с. 29].

В законодательстве Республики Беларусь до 2010 года содержалось условие о том, что лицо, желающее приобрести гражданство в порядке натурализации, должно иметь законный источник средств существования.

Однако, Законом Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. № 105-З данное положение было изменено и изложено в следующей редакции: «Лицо, достигшее 18-летнего возраста, вправе обратиться с заявлением о приеме в гражданство, если оно имеет законный источник получения доходов, обеспечивающих ему и находящимся на его иждивении нетрудоспособным членам семьи прожиточный минимум, установленный в Республике Беларусь». Такое изменение, на наш взгляд, являлось обоснованным и целесообразным, поскольку внесло правовую определенность.

Еще одним широко распространенным условием приобретения гражданства в порядке натурализации является выход из гражданства иного государства (отказ от него) или его автоматическая утрата.

Тем не менее, статистические данные за 2020 год демонстрируют, что в большинстве государств мира (58 %) требование о выходе из гражданства иного государства (отказе от него) или его утрате теряет свою актуальность [1, с. 26].

Тенденцией становится исключение из условий приобретения гражданства в порядке натурализации прекращения прежнего гражданства заявителя. Так, например, в 2020 году Норвегия внесла изменения в законодательство о гражданстве, исключив из ряда требований к заявителю отсутствие гражданства иного государства [1, с. 26].

Республика Беларусь на данный момент сохраняет в законодательстве в качестве одного из условий приобретения гражданства в порядке натурализации отсутствие иного гражданства, либо утрату прежнего гражданства в случае приобретения гражданства Республики Беларусь, либо обращение лица в полномочный орган иностранного государства с заявлением о прекращении имеющегося у него гражданства иностранного государства. Данное условие прямо закреплено в абзаце 6 части 1 статьи 14 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» от 1 августа 2002 г. № 136-З.

Кроме того, в части 1 статьи 11 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» от 1 августа 2002 г. № 136-З закреплено, что за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Часть вторая данной статьи устанавливает, что граждане Республики Беларусь, имеющие также иное гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Республики Беларусь.

Как видно, на сегодняшний день Республика Беларусь придерживается принципа недопущения приобретения гражданства лицом, имеющим гражданство иностранного государства и желающим сохранить его. Не признается также принадлежность гражданина Республики Беларусь к гражданству иностранного государства.

Однако мировой опыт подтверждает тот факт, что либерализация условий приобретения гражданства в порядке натурализации в части вышеупомянутого условия способствует привлечению иностранных граждан на территорию государства.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь в целом отражает общемировые тенденции правового регулирования приобретения гражданства в порядке натурализации. Законодатель идет по пути совершенствования условий приобретения гражданства иностранными

гражданами, содействуя их натурализации. Тем не менее, сохраняется ряд аспектов, требующих дальнейшего анализа и развития.

Библиографические ссылки

1. Van der Baaren L., Vink M. Modes of acquisition and loss of citizenship around the world: Comparative typology and main patterns in 2020 [Electronic resource] // European University Institute. – Mode of access: <https://hdl.handle.net/1814/73267>. – Date of access: 28.01.2022.

2. Кондратович, Н.М. Институт гражданства (подданства) в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/11776>. – Дата доступа: 28.01.2022.

3. Овсепян, Ж.И. Филиация и натурализация как ключевые категории конституционно-процессуального института возникновения и прекращения гражданства [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filiatsiya-i-naturalizatsiya-kak-klyuchevye-kategorii-konstitutsionno-protsessualnogo-instituta-vozniknoveniya-i-prekrascheniya/viewer>. – Дата доступа: 28.01.2022.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОПЕКЕ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВЕ

Себа Светлана Сергеевна

*Аспирант 1 курса юридического факультета Белорусского государственного
университет, Svetlanaseba8@mail.ru*

науч. рук. – Василевич Г.А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. Реализация конституционного права на социальное обеспечение в случае утраты трудоспособности и инвалидности является достаточно актуальной темой ввиду своей значимости для социально уязвимых категорий граждан, лишённых или ограниченных в дееспособности в связи с наличием психического расстройства и иного психического заболевания. Роль государства в реализации данного права первоначально исходит в силу его нормотворческой деятельности, а также организации и постоянного контроля за исполнения норм законодательства.

Ключевые слова: конституционные права, социальные права, недееспособность, инвалидность

Республика Беларусь, согласно норме ст. 1 Конституции Республики Беларусь, является унитарным демократическим социальным правовым государством. Под социальным государством стоит понимать модель государства, направленную на реализацию принципов социального равенства, социальной справедливости в целях достижения каждым гражданином достойного качества и уровня жизни, оказания помощи нуждающимся путём перераспределения материальных благ. Василевич Г.А. в учебном пособии выделил следующие принципы социального государства: 1) оно ответственно за существование общества; 2) в нём индивид несёт обязанности перед иными лицами и обществом в целом; 3) это такое государство, которое помогает человеку, обеспечить его достойное существование [1, с. 29].

Обеспечение достоинства тех лиц, которые лишены дееспособности или ограничены в ней, возможно в случае акцентирования внимания государством на реализации таких социально-экономических прав, как бесплатное медицинское лечение, оздоровление, санаторно-курортное лечение, создание специализированных домов-интернатов общего и специализированного профиля, в частности психоневрологических домов-интернатов для предоставления гражданам, нуждающимся в постоянном уходе, право проживания в данных учреждениях и получения психиатрической, психологической и иной медицинской помощи, разработке стандартов и мероприятий в сфере здравоохранения, индивидуальной программы реабилитации граждан, являющихся инвалидами.

Граждане, достигшие общеустановленного возраста совершеннолетия (в Республике Беларусь восемнадцати лет), а также эмансипированные несовершеннолетние граждане по решению суда приобретают дееспособность. Законом в качестве критерия достижения гражданином дееспособности в полном объёме, в качестве исключения, предусмотрено вступление лица в брак до достижения 18 лет. Дееспособные лица являются полноценными участниками различных правоотношений, имеют полное право своими действиями приобретать права, нести обязанности и ответственность. Важнейшими элементами дееспособности гражданина являются:

деликтоспособность – возможность гражданина нести самостоятельную имущественную ответственность в случаях, установленных законодательством;

делкоспособность – возможность гражданина самостоятельно, без согласия третьих лиц, заключать различные сделки.

Вместе с тем, понятие дееспособность имеет несколько элементов, в том числе медицинский и юридический. Так, для приобретения гражданином дееспособности необходима совокупность вышеуказанных элементов.

Под юридическим элементом понимается достижение гражданином совершеннолетия: в Республике Беларусь восемнадцати лет либо снижение данного возрастного предела путём проведения процедуры эмансипации несовершеннолетнего гражданина по решению суда, в случае установления юридических фактов, позволяющих суду прийти к выводу о возможности снижения возрастного предела до 16 лет, ввиду наличия заработка у лица и приобретения бытовой и социальной самостоятельности. Так же признаются дееспособными лица, вступившие в брак до достижения восемнадцати лет со снижением возрастного предела до 15 лет. К данному общеустановленному возрасту гражданин правомочен самостоятельно осуществлять трудовую деятельность, выступать участником правоотношений, совершать сделки, нести ответственность по обязательствам.

Медицинский элемент предполагает психическое развитие, осознание своей социальной роли, бытовую самостоятельность гражданина, соответствие его психического развития физиологическому возрасту. Немаловажное значение имеет наличие психического расстройства,

слабоумия, душевной болезни или психического заболевания, не позволяющего гражданину объективно и реально воспринимать действительность вне зависимости от достижения восемнадцатилетнего возраста. При наличии подобных заболеваний гражданин становится социально уязвимым и беззащитным, так как в силу психического расстройства, слабоумия или психического заболевания не может самостоятельно реализовать свои права и нести ответственность по обязательствам. Фактически, в зависимости от тяжести психического расстройства или психического заболевания, гражданин лишается возможности в полной мере осознанно заключать сделки, понимать фактический характер и последствия совершаемых действий. Наличие на протяжении длительного времени психического расстройства, слабоумия, психического заболевания, дезориентации, социальной, бытовой несостоятельности и отсутствие ремиссии у гражданина является основанием установления гражданину группы инвалидности, приобретения гражданином статуса инвалида. Руководствуясь ст. 29 Гражданского кодекса Республики Беларусь гражданин, который вследствие психического расстройства (заболевания) не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека. Задача по выявлению лиц, страдающих психическим расстройством или имеющих психическое заболевание, нуждающихся в опеке или попечительстве, согласно п. 2, 3 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28.10.1999 г. № 1676 (ред. от 24.06.2020 г.) «Об утверждении Положения об органах опеки и попечительства» возложена на органы, исполняющие функции по опеке и попечительству в отношении совершеннолетних граждан, – структурные подразделения областных, Минского городского исполнительных комитетов, осуществляющих властные полномочия в сфере здравоохранения, организации здравоохранения. Однако реализация нормы по выявлению лиц, нуждающихся в опеке и попечительстве на ранних стадиях, на текущий момент является проблематичной. Выявление граждан, нуждающихся в опеке и попечительстве, осуществляется в рамках проведения диспансеризации населения, проведения обязательных, профилактических и периодических медицинских осмотров, на основе информации, предоставляемой работодателем, различными государственными органами, гражданами, в том числе родственниками.

Ввиду наличия психического заболевания, психического расстройства или слабоумия данная категория граждан зачастую не осуществляет трудовую деятельность и уклоняется от проводимых мероприятий по диспансеризации населения и иных медицинских осмотров, что практически усложняет процесс выявления данных граждан учреждениями здравоохранения. Для оперативного выявления лиц, нуждающихся в опеке и попечительстве, необходимо повышение социальной ответственности со стороны граждан и родственников по оказанию соответствующей помощи, что позволило бы на ранних стадиях органу по опеке и попечительству осуществлять мероприятия

по охране здоровья граждан, назначению лечения, защите имущественных прав и предоставлению иной социальной поддержки. На практике часто психическое заболевание, психическое расстройство гражданина игнорируется или скрывается родственниками по ряду различных причин: сложностью и длительностью судебного процесса, имущественной выгоды, необходимостью установления опеки над лицом, что возлагает ряд дополнительных обязанностей на опекуна. Есть много примеров, когда указанные лица совершают преступления. Поэтому важно своевременно выявлять лиц, нуждающихся в лечении или ограничении их дееспособности, установлении над ними опеки или попечительства. Своевременное установление опеки или попечительства позволяет снизить вероятность совершения недееспособными гражданами общественно опасных деяний и иных правонарушений.

Согласно нормам Гражданского кодекса Республики Беларусь над гражданами, признанными недееспособными, устанавливается опека. Ведение списка кандидатов, желающих осуществлять опеку над недееспособными, осуществляется органами опеки и попечительства. Формирование единого списка граждан следует осуществлять по добровольно поданному заявлению дееспособного физического лица, соответствующего требованиям, предъявляемым к опекуну, согласно ст. 153 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Фактическое формирование списка кандидатов в опекуны осложняется безвозмездностью осуществления опекунства над недееспособным лицом, отсутствием права наследования после смерти и одновременно возложением дополнительной ответственности на опекуна за охрану жизни и здоровья недееспособного лица, охрану имущественных прав, созданию необходимых бытовых условий, об обеспечении их уходом и лечением. В случае злоупотребления опекуном правами и ненадлежащем исполнении обязанностей, при использовании опекуном опеки в корыстных целях, в частности, оставления подопечного без надзора и необходимой помощи орган опеки и попечительства отстраняет опекуна и передаёт прокурору необходимые материалы для решения вопроса о привлечении виновного лица к ответственности в установленном законом порядке. Фактически опекун обязан постоянно осуществлять надзор за подопечным, что затрудняет осуществление трудовой деятельности и иной деятельности, приносящей доход опекуну. Своевременное лечение и оказание медицинской помощи подопечному обязывает опекуна к значительному уровню ответственности, оперативному распознаванию и реагированию при ухудшении здоровья подопечного и неотрывному осуществлению опеки.

Совокупность вышеперечисленных условий не позволяет эффективно проводить мероприятия по формированию списка кандидатов в опекуны, что в свою очередь неблагоприятно сказывается на защите прав и законных интересов недееспособных граждан.

Таким образом, совокупность мероприятий, проводимых государством в рамках реализации социальных прав граждан, направлена на защиту социально уязвимого слоя общества, граждан, имеющих статус инвалидов, а

также лиц, остро нуждающихся в социальной поддержке и защите со стороны государства.

Библиографические ссылки

1. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : пособие. – Минск: БГУ, 2006. – .

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стояков Кирилл Игоревич

магистрант Белорусского государственного университета,
stoyakov.kirill@mail.ru

науч. рук. – Чудаков М.Ф., д-р. юрид. наук, проф.

Аннотация. Цель статьи – определить особенности проведения оценки регулирующего воздействия и ее место в нормотворческом процессе Республики Беларусь. В статье рассматриваются основные начала осуществления оценки регулирующего воздействия. Основное внимание уделяется определению этапа нормотворческого процесса для ее проведения. Научная новизна заключается в предложении осуществлять оценку регулирующего воздействия не только лишь на этапе прогнозирования принятия нормативного правового акта, но и на этапе оценки его применения. В результате определено, что оценка регулирующего воздействия может являться одним из важнейших этапов нормотворческой деятельности, а также в последующем при ее дальнейшей институционализации в законодательство Республики Беларусь также станет принципиально новым элементом государственного управления.

Ключевые слова: общественные отношения; оценка регулирующего воздействия; прогнозирование; эффективность; законодательство; нормативные правовые акты; последствия принятия.

Динамическое развитие общественных отношений, постоянное развитие всех сфер жизнедеятельности общества несомненно усиливают потребность в формировании и разработке совершенно новых механизмов государственного управления.

Современный период развития правовой политики характеризуется поиском новых критериев формирования системы права в условиях глобализации мировой экономики, современных общемировых и региональных интеграционных процессов.

При этом очевидно, что без развития права невозможно развитие государства, так как именно право является основным языком государственного управления. С целью качественного развития правовых институтов требуется прежде всего качественная проработка нормативных правовых актов, где одной из составляющих является прогнозирование принятия тех или иных нормативных правовых актов.

В силу положений ст. 45 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон № 130-З)

прогнозированием является исследование, направленное на проведение оценки возможности достижения целей принятия (издания) нормативного правового акта, вариантов развития общественных отношений, обусловленных его принятием (изданием), а также в случае, если нормативный правовой акт не будет принят (издан). При этом по мнению многих ученых-правоведов к числу форм прогнозирования относится оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ).

Характер оценки, предусмотренной в ходе ОРВ проектов нормативных правовых актов, сближает ее с прогнозированием, что позволило белорусскому законодательству определить ОРВ как основной инструмент такового. Вместе с тем представляется целесообразным в ходе институционализации ОРВ в белорусском законодательстве определить ее содержание шире, что даст в будущем возможность рассматривать ОРВ не только как разновидность прогнозирования, осуществляемого в процессе нормотворчества, но и как эффективный инструмент государственного управления.

Как справедливо отмечает Д.В. Шаблинская, связано вышеупомянутое утверждение с тем, что соответствующие мероприятия ОРВ должны осуществляться в течение всего времени реализации правовых решений, и итоги такой оценки далеко не всегда будут равнозначны на различных временных этапах действия конкретного нормативного правового акта. ОРВ действующего законодательства не сможет считаться прогнозированием. Это означает, что ей понадобится собственная методика, составляющим элементом которой может стать сопоставление прогнозных показателей и действительных социальных последствий, обусловленных действием нормативного правового акта.

Вместе с тем при внедрении ОРВ в законодательство Беларуси на этапах разработки нормативного правового акта и его реализации сложным является вопрос об определении органа, который может быть уполномочен на проведение ОРВ.

Исходя из положений Закона № 130-3 ОРВ определяется как «внутренняя» экспертиза нормативных правовых актов, которая осуществляется органом, разработавшим нормативный правовой акт. Вместе с тем национальное законодательство не запрещает проведение ОРВ и иными представителями экспертного сообщества. Видится, что это могли бы быть не только специалисты органа разработчика нормативного правового акта, но и специалисты Министерства юстиции (как органа, осуществляющего функцию по скоординированности нормотворческих инициатив в Правительстве), представители Палаты представителей, Совета Республики и работники их секретариатов.

Одним из важнейших направлений развития нормотворческого процесса является более широкое внедрение в практику нормотворчества института правового мониторинга. Конечной целью проведения правового мониторинга должно стать принятие действенных мер по совершенствованию законодательства и правоприменения, надлежащей реализации законов и

иных нормативных правовых актов, приведение нормативного массива в полное соответствие тем общественным отношениям, которые он регулирует.

Таким образом, можно сделать вывод, что прогнозирование последствий принимаемого решения и контроль действительных показателей его реализации может являться одним из важнейших этапов нормотворческой деятельности. Необходимость развития института ОРВ и его институционализация в белорусском законодательстве оправдана в первую очередь с позиции эффективности государственного управления.

Дальнейшее совершенствование нормотворческой деятельности должно быть направлено на реализацию эффективной правовой политики в целях защиты гарантированных Конституцией прав и свобод граждан, конституционного строя, социальной справедливости, государственного суверенитета, национальной безопасности и обеспечения национальных интересов Республики Беларусь на международной арене, создания условий для устойчивого развития белорусского государства и общества.

При этом видится, что проведение ОРВ должно быть централизовано путем создания уполномоченного государственного органа, который бы мог осуществлять методологическую функцию ОРВ на этапе принятия нормативного правового акта и непосредственную на этапе его реализации.

Библиографические ссылки

1. Оценка регулирующего воздействия законодательства в сфере экономической деятельности / Д. В. Шаблинская [и др.] ; под ред. В. К. Ладутько, М.Н. Сатолиной. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 278 с.
2. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона и экономика. – Вопросы государственного и муниципального управления. – 2009. - № 4. – С. 6.
3. Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / А. Н. Андрианов [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Д. Б. Горохов. – М. : ИД «Юриспруденция», 2009. – С. 86.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА

Сухопаров Виктор Павлович

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, viktar19sv@gmail.com*

науч. рук. – Шаршун В.А., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы, а также анализируются положения международно-правовых документов в области регулирования Интернета. Особое внимание уделено международно-правовым «инициативам» регулирования Интернета. Рассматриваются основополагающие принципы по развитию использования Интернета в соответствии с международными рекомендациями. В результате делается вывод, что на сегодняшний день регулирование Интернета на международном (универсальном) уровне имеет форму «мягкого» права.

Ключевые слова: Интернет, правовое регулирование Интернета, международное право, трансграничность, «мягкое» право.

Российские ученые (А.П. Кузьмин, В.М. Чибинёв) подчеркивают, что «Интернет – яркий пример того, насколько эффективно может развиваться столь сложная техническая система практически в отсутствие формального правового регулирования» [1, с. 7]. Данный аргумент может быть уточнен позицией Н. Н. Лебедевой, которая отмечает, что «до последнего времени Интернет представлял собой практически полностью саморегулируемую среду, в которой участники информационного обмена следовали стихийно сложившимся нормам поведения», сетевого этикета [2, с. 126]. При этом основу саморегулирования интернет-отношений составляли нормы морали, этики, обычаев, традиций [2, с. 126].

Говоря о сегодняшних реалиях регулирования Интернета и общественных отношений, складывающихся в данной сети, Э.В. Талапина делает вывод о том, что «на данном этапе модель абсолютного саморегулирования Интернета вряд ли уже возможна» и, следовательно, «необходимо найти меру правового регулирования, но при этом снова возникает вопрос об объекте» [3, с. 61]. В рамках последнего аргумента под мерой правового регулирования ученым понимается определенная совокупность правовых норм, позволяющая урегулировать общественные отношения, формирующиеся в Интернете, т. е. отрасль права и система правового регулирования (международная или национальная) [3, с. 61–65].

Отметим, что вопрос о возможностях и перспективах правового регулирования Интернета и складывающихся в его пределах общественных отношений, в том числе информационных, актуализировался также И. Л. Бачило, которая подчеркивала зависимость определения видов регуляторов Интернета (технических и социальных) от понимания Интернета в качестве глобальной информационно-коммуникативной среды общения любых субъектов [4, с. 337–338]. Ю. А. Лепешков пишет, что при определении способа регулирования общественных отношений в сети Интернет важную роль выполняет такой его признак, как «экстерриториальность» [5, с. 60]. Однако, по сути, ученым ведется речь о «трансграничности» Интернета [5, с. 62]. Трансграничность как признак сети Интернет представляется более подходящим термином, поскольку экстерриториальность как международно-правовая категория предполагает изъятие определенного вида общественных отношений из-под юрисдикции одного государства и отнесение этого вида к юрисдикции другого [6]. В то же время трансграничность Интернета характеризует отсутствие привязки его правового регулирования к границам какого-либо конкретного государства и указывает на международный, глобальный охват распространённости и доступности данной сети, а также ее регулирования.

Российский исследователь С. Н. Михайлузов подчеркивает, что «несмотря на постоянные поиски технических решений» установить географические границы Интернет пространства все еще сложно, а успешно противодействовать злоупотреблению достижениями информационно-коммуникационных технологий «можно только на международном уровне» [7, с. 48]. Ю. А. Лепешков считает, что «интернет может и должен

регулироваться посредством права, в том числе международного» [5, с. 65]. В качестве наилучшей альтернативы для международно-правового регулирования Интернета ученый рассматривает подход, основывающийся на уважении суверенных прав других государств и стремящийся к уменьшению существующих различий через механизм консенсуса путем создания новых международно-правовых актов либо унификации существующих положений [5, с. 65].

В условиях отсутствия целостного специального международно-правового регулирования отношений в сети Интернет [5, с. 62] в юридической литературе отмечается лишь о некоторых «инициативах» упомянутого регулирования. Среди международно-правовых документов, относящихся к регулированию общественных отношений, связанных с глобальной компьютерной сетью Интернет, перечисляются следующие: Единая политика рассмотрения споров о доменных именах (UDRP) и Правила к политике; Директива Европейского Союза (далее – ЕС) 2002/58/ЕС «О неприкосновенности электронной частной жизни»; Общий регламент ЕС по защите персональных данных 2016/679 (GDPR – General Data Protection Regulation); типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной коммерции» [7, с. 48–50]. В качестве предпринимаемых попыток международных организаций и государств в части регулирования общественных отношений (в том числе в информационной сфере) в сети Интернет указываются:

- форум Лондонский план действий (по вопросам защиты персональных данных и прав потребителей);

- содействие международному сотрудничеству в области применения законодательства против спама и принятия мер в отношении онлайн мошенничества, фишинга и распространения вирусов (Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР); Специальная комиссия ОЭСР по спаму; Международный союз электросвязи; Международная ассоциация государственных органов, контролирующая соблюдение прав потребителей; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество);

- создание Альянса по борьбе со спамом (StopSpamAlliance);

- принятие Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) Амстердамских рекомендаций о свободе СМИ и Интернета (2003 г.) [7, с. 48–50].

Общий регламент ЕС по защите персональных данных 2016/679 (GDPR) распространяет свое действие в рамках территории Европейского Союза на обработку персональных данных, осуществляемую полностью либо частично автоматизированными средствами, а также иными средствами, которые формируют файловую систему персональных данных либо способны ее сформировать. Единая политика рассмотрения споров о доменных именах (UDRP) от 26 августа 1999 г. была принята аккредитованными доменно-именными регистраторами для доменных имен, заканчивающихся на «.com», «.net», «.org», а также отдельными администраторами кодов стран доменов верхнего уровня (к примеру, «.nu», «.tv», «.ws»). Директива ЕС 2002/58/ЕС,

относящаяся к обработке персональных данных и защите частной жизни в электронно-коммуникационном секторе, гармонизирует положения государств-членов ЕС, необходимые для обеспечения равного уровня защиты основных прав и свобод, в частности права на неприкосновенность частной жизни. Директива ЕС 2002/58/ЕС также содержит положения в отношении обработки персональных данных в секторе электронных коммуникаций, свободного перемещения указанных данных, электронно-коммуникационного оборудования и услуг в Европейском Союзе.

В Амстердамских рекомендациях от 14 июня 2003 г. «Свобода СМИ и Интернет», выработанных Представителем ОБСЕ по свободе СМИ вместе с представителями академических кругов, масс медиа, специализированных неправительственных организаций из Европы и США, Европарламента, Совета Европы, Европейской комиссии и ОБСЕ, были подтверждены принципы, изложенные в Совместном Заявлении ОБСЕ, ООН и Организации американских государств от 20 ноября 2001 г., а также принята во внимание Декларация Совета Европы по свободе информации в Интернете от 28 мая 2003 г. Амстердамские рекомендации «Свобода СМИ и Интернет» содержат основополагающие принципы использования глобальной компьютерной сети Интернет и развития данного использования по следующим направлениям: доступ к Интернету; свобода выражения; образование; профессиональная журналистика. К указанным основополагающим принципам (рекомендациям) по развитию использования Интернета были, в частности, отнесены:

- необходимость развития доступа к цифровым сетям и Интернету;
- недопустимость незаконного использования Интернета;
- преследование противозаконных материалов, содержащихся в Интернете, в соответствии с законом страны-первоисточника;
- необходимость стимулирования компьютерной и Интернет-грамотности с целью углубления понимания важности программного обеспечения и языков программирования;
- необходимость уважения тайны переписки между частными лицами;
- и другие.

В Совместной декларации по случаю двадцатой годовщины: Основные задачи в области свободы выражения мнения на ближайшее десятилетие, принятой 10 июля 2019 г. в Лондоне, для создания и обеспечения функционирования свободного и открытого Интернета была, в частности, обозначена задача по соблюдению и укреплению принципа сетевого нейтралитета.

Таким образом, на сегодняшний день сохраняется проблема международно-правового регулирования глобальной компьютерной сети Интернет, которая заключается в отсутствии общеобязательных международных документов в данной сфере. Рассмотренные в настоящей статье международные документы универсального уровня носят рекомендательный характер. В то же время с учетом трансграничности глобальной компьютерной сети актуальным представляется решение на

международно-правовом уровне вопроса юрисдикции государств в сфере Интернета.

Библиографические ссылки

1. Чибинёв, В.М. Перспективы правового регулирования интернет отношений / В.М. Чибинёв, А.П. Кузьмин // Информац. право. – 2006. – № 3 (6). – С. 6–8.
2. Лебедева, Н.Н. Право. Личность. Интернет : монография / Н.Н. Лебедева. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 170 с.
3. Талапина, Э.В. О возможностях правового регулирования Интернета / Э.В. Талапина // Труды Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – 2016. – № 3. – С. 57–75.
4. Бачило, И.Л. Информационное право : учебник / И.Л. Бачило. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 522 с.
5. Лепешков, Ю.А. Международно-правовое регулирование функционирования сети Интернет: перспективы развития / Ю.А. Лепешков // Актуальные проблемы междунар. публич. и междунар. частн. права. – 2011. – Вып. 3. – С. 60–66.
6. Экстерриториальность [Электронный ресурс] // Академик.ру. Словари и энциклопедии. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23103>. – Дата доступа : 10.01.2022.
7. Михайлузов, С.Н. Международно-правовое регулирование Интернета / С.Н. Михайлузов // Право и управление. XXI век. – 2010. – № 2 (15). – С. 48–51.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СУБСИДИАРНОСТИ В ПОЛОЖЕНИЯХ ПРОЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ДЛЯ ВСЕНАРОДНОГО ОБСУЖДЕНИЯ

Тиковенко Ольга Анатольевна

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, olga.tikovenko@gmail.com*

науч. рук. – Василевич Г. А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. В статье исследуется принцип субсидиарности, его понятие, сущность, точки зрения на его сущность различных исследователей. Автором выделен ряд признаков принципа субсидиарности. Отмечается, что субсидиарная роль органов власти в жизни населения носит социальный характер и является неотъемлемой основой социального государства. Проведен анализ положений Проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь для всенародного обсуждения на предмет реализации в них принципа субсидиарности, что позволило сделать вывод о его важности для охраны прав граждан, нуждающихся в социальной поддержке.

Ключевые слова: субсидиарность; принцип субсидиарности; конституционные положения; властные полномочия; органы государственной власти; социальное государство; социальная поддержка.

Принципу субсидиарности уделяют внимание многие исследователи. В то же время он является одним из самых спорных и неоднозначных для понимания. Идея субсидиарности изначально возникла и начала формироваться еще в трудах античных философов. Впоследствии субсидиарность появилась в доктрине Римско-католической церкви, а именно

в папских энцикликах, где данное понятие употреблялось уже в юридическом смысле, наиболее приближенном к современному.

Понятие «субсидиарность» произошло от латинского слова «subsidiarius», то есть «вспомогательный, резервный, сохраняемый в запасе», и в Древнем Риме обозначало резервные войска, силовая поддержка основному войску которых применялась только в исключительных случаях. Оксфордский словарь толкует субсидиарность как «концепцию, согласно которой центральные органы власти обладают вспомогательной функцией, осуществляемой только для выполнения задач, которые не могут быть эффективно решены более непосредственно или на локальном уровне [1, с. 105].

В наши дни субсидиарность широко используется в гражданском праве в рамках понятия «субсидиарная ответственность», означающего дополнительную ответственность лиц, которые помимо должника отвечают перед кредитором за надлежащее исполнение обязательства в установленных законодательством или договором случаях. Часто встречается сегодня и понятие «субсидия», под которым понимают материальную помощь или поддержку, оказываемую определенной нуждающейся в ней категории физических или юридических лиц из средств государственного или местного бюджета.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что субсидиарность является принципом организации и осуществления социальных отношений, в том числе правоотношений. Вместе с тем, в рамках исследований по теории права принцип субсидиарности в качестве принципа права обычно не рассматривается [1, с. 104].

Поскольку принцип субсидиарности до середины XX в. развивался преимущественно в философской, а не в политико-правовой плоскости, его исследованием в большей степени занимались философы. Так, известный швейцарский писатель, философ и общественный деятель Дени де Ружмон изложил данный принцип в следующем наиболее общем виде: «Никогда не поручайте крупной единице то, что может быть сделано более мелкой. То, что может сделать семья, не должен делать штат. И то, что может сделать штат, не должно делать федеральное правительство» [2, с. 62].

Субсидиарность достаточно ярко определил папа Иоанн Павел II, в соответствии с формулировкой которого «сообщество более высокого порядка не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь сообщества более низкого порядка, присваивая его функции; но ради общего блага поддержит его, если надо, поможет сообразовать его действия с другими составляющими общества» [3, с. 145].

В католической этике субсидиарность содержит три следующих элемента. Во-первых, не считается правильным лишать индивидуумов какой-либо социальной группы возможности самостоятельно принимать решения. Во-вторых, практика жесткого контроля деятельности меньших и нижестоящих организаций со стороны вышестоящих общественных ассоциаций также является неверной. В-третьих, необходимо предоставление

вышестоящими социальными ассоциациями помощи и поддержки нижестоящим ассоциациям без их разрушения или абсорбции. Принцип субсидиарности выражает не то, что «должно» быть сделано, подобно большинству иных моральных принципов, а определяет «как делать» то, что следует делать, тем самым сущностно отличаясь от них [4, с. 89].

Субсидиарность также используется юристами в качестве способа преодоления пробелов в законодательстве. Данный способ, именуемый «субсидиарным применением нормы», означает дополнительное привлечение норм смежных отраслей или подотраслей права, которое отличается от правоприменительной практики по принципу аналогии – преодоления пробелов в какой-либо отрасли права посредством норм той же отрасли. Так, при субсидиарном применении норм законодатель отсылает правоприменителя к конкретной норме или группе норм смежной отрасли права [5, с. 56].

На основе анализа точек зрения различных исследователей можно выделить некоторые признаки принципа субсидиарности. Так, для соблюдения данного принципа, во-первых, полномочия и ответственность должны быть четко разграничены и сбалансированно распределены между разными уровнями управления и властными субъектами;

во-вторых, полномочия разделены между уровнями субъектов власти исходя из того, на каком из уровней те или иные цели и задачи могут быть более квалифицированно, эффективно и в то же время без промедления осуществлены;

в-третьих, вышестоящий орган управления может вторгнуться в компетенцию и действия нижестоящих органов только в случаях отсутствия у последних возможности действовать самостоятельно или необходимости достижения целей, затрагивающих полномочия вышестоящего властного субъекта;

в-четвертых, уделяется значительное внимание малым социальным, политическим, территориальным единицам, как, например, отдельной личности, сообществу, муниципалитету, в том числе, их независимости, самостоятельности, обеспечению свободы их действий. Также для неукоснительного следования принципу субсидиарности имеет значение признание прав человека и свобод личности.

Помимо того, что принцип субсидиарности прямо закреплен в конституциях некоторых зарубежных стран: Польши, Германии, Португалии и иных, следует отметить его важную роль в устройстве и функционировании институтов Европейского союза. Исследуемый принцип нашел отражение в параграфе 3 статьи 5 учредительного Договора о Европейском союзе (Маастрихтский договор от 7 февраля 1992 г.) как один из принципов, который согласно своей формулировке требует прежде всего исходить из стремления к решению вопросов государствами-членами на более низких уровнях власти – местном, региональном, центральном, и только при отсутствии доступного варианта по эффективному достижению целей на упомянутых уровнях переходить к действиям в рамках Европейского союза. Принцип

субсидиарности, с одной стороны, позволяет предотвратить осуществление Европейским союзом тех полномочий, которые государства-члены способны реализовать самостоятельно на их уровне. С другой стороны, благодаря subsidiarity компетенция Европейского союза может быть легально существенно расширена за пределы его исключительных полномочий по причине возникновения объективных обстоятельств.

Многие исследователи рассматривают принцип subsidiarity на вертикальном и горизонтальном уровнях. На вертикальном уровне происходит разграничение властных полномочий между вышестоящими и нижестоящими субъектами, как, например, между верховной государственной властью и органами местного самоуправления, между главными институтами Европейского союза и высшими органами государств-членов. Горизонтальный уровень включает в себе распределение компетенции и взаимоотношения между органами публичной власти, социальными институтами (коммерческими либо некоммерческими организациями) и населением, а также, по мнению некоторых ученых, между государственными органами различных ветвей власти в условиях их разделения [1, с. 108; 6, с. 79].

Проявление принципа subsidiarity можно обнаружить в жизни гражданского общества (взаимопомощь, самопомощь), в деятельности социального государства, призванного обеспечивать реализацию социальных прав. В отношениях органов публичной власти и граждан, на наш взгляд, благодаря принципу subsidiarity происходит дополнительное участие органов государственной власти в разрешении проблем и оказании помощи отдельным слоям общества для охраны их социальных и экономических прав, надлежащего развития личности. Таким образом, subsidiarity роль органов государственной власти в жизни населения свидетельствует о социальном характере государства, признании им социальных прав граждан, что является неотъемлемой основой сущности социального государства, декларированного, в том числе, Конституцией Республики Беларусь.

Принцип subsidiarity наиболее четко проявляется в следующих положениях Проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь для всенародного обсуждения (далее – Проект). Так, в ч. 4 ст. 32 Проекта закреплено о том, что государство оказывает поддержку семьям с детьми, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Принцип subsidiarity ясно обнаруживается и в ч. 3 ст. 47 Проекта, в соответствии с которой инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина. Государством реализуется политика социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами. Данные конституционные положения подтверждают концепцию социального государства и subsidiarity роль государственных органов в нем.

Помимо анализируемого Проекта можно привести ряд правовых норм, отвечающих принципу subsidiarity. Например, Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 была утверждена Программа

социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, в ч. 8 п. 5.2 которой поставлена задача широкого развития инклюзивных форм занятости, позволяющих интегрировать в сферу труда людей с инвалидностью, в том числе через механизм квотирования рабочих мест. Также пп. 1.4 п. 1 ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-3 (с учетом подготовленных изменений в ред. 2022 г.) провозглашает в качестве одного из принципов государственной политики в сфере образования принцип обеспечения равного доступа к получению образования, то есть инклюзии в образовании.

Наряду с этим принцип subsidiarity предполагает социальную ответственность перед обществом и государством, поскольку каждый в равной степени является членом как того, так и другого. Обращает на себя внимание и приобретает особую актуальность ч. 3 ст. 21 Проекта, согласно которой каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. То есть, не только органы власти обязаны проявлять subsidiarity участие в жизни ряда граждан и слоев общества, оказывая им социальную помощь, но и сами граждане несут дополнительную ответственность за участие в социальной жизни конкретного общества и государства, реализацию своих прав и организацию надлежащего развития себя как личности. Аналогичным образом ч. 4 ст. 45 Проекта, устанавливающая обязанность граждан принимать меры по сохранению и укреплению собственного здоровья, дополнительно возложила на них тем самым ответственность перед собой, обществом и государством за своё благополучное состояние.

Кроме того, в ряде случаев деятельность государственных органов или международных организаций является subsidiarity в силу того, что гражданин получает в её виде дополнительное средство правовой защиты, при условии исчерпания иных доступных в соответствии с законодательством средств. Например, согласно ст. 61 Конституции Республики Беларусь каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Исходя из вышеизложенного, принцип subsidiarity представляется совокупностью идей, касающихся разграничения властных полномочий между вышестоящими и нижестоящими субъектами, установления эффективных взаимоотношений между органами государственной власти в условиях принципа разделения властей, социальными институтами и населением. Принцип subsidiarity и его реализация в конституционных положениях являются крайне значимыми, в том числе, для охраны прав граждан, нуждающихся в социальной поддержке государственных органов или в дополнительном средстве правовой защиты, оказываемом международными организациями.

Библиографические ссылки

1. Ирхин, И. Взгляды современной науки на принцип субсидиарности: обзор позиций / И. Ирхин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 2 (135). – С. 103 – 117.
2. Аристова, К. С. Что же такое «субсидиарность»? / К. С. Аристова // Российское правосудие. – 2010. – № 11 (55). – С. 62 – 66.
3. Иоанн Павел II. Энциклика «Centesimus annus» (1991) // Иоанн Павел II. Сочинения: В 2-х тт. / Иоанн Павел II. Т. 2. – М.: Изд-во францисканцев, 2003. – Т. 2. – 479 с.
4. Гаганова, Н. А. Концепция разделения властей и идея субсидиарности / Н. А. Гаганова // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 88 – 91.
5. Пономарев, М. В. Принцип субсидиарности – диалектика свободы и ответственности / М. В. Пономарев // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2009. – № 1 (3). – С. 56 – 63.
6. Масловская, Т. С. Принцип субсидиарности: понятие, содержание, соотношение с принципом разделения властей / Т. С. Масловская // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2005. – № 1. – С. 73 – 80.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Чигринова Наталья Сергеевна

*магистрант юридического факультета Белорусского государственного
университета, chigrino1998@mail.ru*

науч. рук. – Василевич Г.А., д-р юрид. наук, проф.

Аннотация. В статье отмечается, что верховенство права является важнейшим юридическим принципом межотраслевого характера. Указывается, что истоки принципа верховенства права восходят к эпохе античности, а более обстоятельная его доктринальная разработка осуществлялась в период XVII–XIX веков в рамках англосаксонской правовой традиции. В современном понимании верховенство права является полисистемной политико-правовой категорией, включающей ряд соподчиненных элементов: законность, правовую определенность, запрещение произвола, доступ к правосудию, соблюдение прав человека, равенство всех перед законом, пропорциональность при установлении юридических ограничений и запретов.

Ключевые слова: верховенство права, конституционные принципы, законность, правовая определенность, права человека, пропорциональность юридических ограничений.

Несущей конструкцией правовой системы государства является Конституция – Основной Закон страны. Именно Конституция содержит базовые правовые принципы и нормы, которые определяют основы конституционного строя, фундаментальные права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и функционирования важнейших государственных органов, а также правовой системы государства.

Как отмечает Г.А. Василевич, право имеет определенные принципы – основные идеи его существования и развития. При этом ученый выделяет: 1) общие принципы, распространяющиеся на всю систему права (такие как принципы справедливости, равноправия, гуманизма, демократизма); 2) межотраслевые принципы, охватывающие две или более отраслей прав, и

3) отраслевые (например, в трудовом праве принцип свободы трудового договора и др.) [1, с. 45].

Важнейшим принципом межотраслевого характера, на основе которого осуществляется правовое регулирование в нашем государстве – это закрепленный в статье 7 Конституции Республики Беларусь принцип верховенства права. Особая роль указанного принципа проявляется в том, что он является системообразующим началом правового регулирования. На основе данного принципа, во-первых, строится система нормативных правовых актов государства и определяются иерархические связи между ними, а, во-вторых, формируется единообразная правоприменительная практика, осуществляемая в строгом соответствии с законодательными актами. Таким образом, принцип верховенства права обладает двойственной функциональной направленностью, играя роль определяющего начала как в нормотворчестве, так и в правоприменении. В силу указанного принцип верховенства права имеет сложную структуру, включая в свой состав в качестве элементов соподчиненные правовые принципы.

Истоки принципа верховенства права восходят к глубокой древности. Начало его разработки было положено в трудах выдающихся философов античной Греции Платона и Аристотеля. «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью, – писал Платон. – Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства...» [2, с. 167, 168]. Аристотель утверждал, что «правильное законодательство должно быть верховной властью» и «предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан» [3, с. 467, 481].

Однако терминологически понятие «верховенство права» (rule of law) восходит к англосаксонской правовой традиции. При этом оно изначально появилось не в научных трудах, а в английских правовых документах. Произошло это в XVII в., и только потом идея верховенства права получила развитие в юридической науке. Первым и наиболее авторитетным автором, рассмотревшим особенности верховенства права на примере британской правовой системы, признается выдающийся английский юрист Альберт Венн Дайси, опубликовавший в 1885 г. свой фундаментальный труд «Введение в изучение конституционного права» [4].

Верховенство права как важнейшая характеризующая черта английской неписаной конституции, по мнению Дайси, включает три признака.

Первый признак заключается в том, что ни один человек не может быть наказан или быть подвергнутым ограничениям, кроме как за нарушение четко определенных положений закона, установленное в судебном порядке. При этом верховенство права в английской правовой системе контрастирует с юридической практикой тех государств, где допускаются принудительное ограничение прав на основе дискреционных полномочий государственных органов. Англичанин может быть наказан только судом за нарушение правовых предписаний, принятых легитимным (не упрощенным)

законодательным порядком, а не на основе усмотрения правительственных органов [5, p. 110, 120].

Второй признак состоит в следующем: никто не должен быть выше закона, все социальные группы и слои общества должны в равной мере подчиняться закону и праву, вырабатываемому общими судами. Равенство всех перед законом означает, что каждый должен руководствоваться легитимно принятым законом, который применяется обычными (а не чрезвычайными) судами [5, p. 114, 120, 121].

Третий признак сводится к тому, что конституционные принципы и нормы, например устанавливающие личную свободу, свободу собраний, воплощаются в жизнь посредством судебных решений, в то время как в континентальных государствах права индивида проистекают непосредственно из норм и общих принципов писаной конституции. Конституция, которая в зарубежных странах кодифицирована, в Англии не дарует права и свободы индивиду, а дополняется естественным образом судебными прецедентами, которые формулируют конституционные права и свободы личности и вырабатывают меры их защиты [5, p. 115, 121].

Таким образом, Дэйси определяет в качестве составных элементов верховенства права законность, правовую определенность, равенство перед законом, а также судебную защиту прав и свобод личности (при этом предпочтение отдается прецедентной системе правосудия). Как видно, верховенство права в трудах юристов XIX века рассматривается именно как правовая категория.

В современную эпоху преобладает более широкий взгляд на верховенство права, при котором последнее приобретает черты не только прикладного юридического, но и политико-правового и даже философского концепта. В двух последних аспектах верховенство права оказывает решающее воздействие на формирование государственных институтов, организацию политической системы государства в целом, а также на существование социально-политической идеологии, господствующей в конкретном обществе.

Так, известный ученый-юрист и председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, рассматривая верховенство права как универсальный принцип юридической формы политической и социальной жизни, выделяет в нем следующие существенные элементы:

- правовая система, правовое регулирование социальных отношений и поведения людей основаны на юридическом равенстве;
- права человека и основные свободы определяют смысл, содержание и применение законов, функционирование публичной власти и обеспечиваются правосудием;
- общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью внутригосударственной правовой системы;
- стабильность права, обеспечивающая упорядоченность и предсказуемость поведения участников правоотношений, возможность планирования и координации действий;

- динамизм и эффективность права, обеспечивающие способность к развитию и предотвращающие стагнацию;

- суверенная государственная власть осуществляется на основе разделения властей и при подчинении праву (правовое государство);

- верховенство закона в системе нормативных актов и правоприменительной деятельности (режим законности); в континентальных системах права особое значение имеет верховенство Конституции как Основного Закона (режим конституционной законности);

- наличие независимого, беспристрастного, справедливого правосудия, решающего споры о праве, в том числе споры между гражданином и государством; предусмотрен судебный контроль конституционности [6].

Уяснению содержания принципа верховенства права отводится значительное место в особых юридических документах доктринального характера – посланиях Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь. Так, в Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2011 году» отмечено, что принцип верховенства права в нормотворчестве и правоприменении выступает в качестве главного фактора обеспечения верховенства Конституции, утверждения конституционной законности и развития конституционной демократии. Верховенство права как важнейшее свойство правового государства включает необходимые элементы, которые имеют не только формальное, но и материальное значение. К этим элементам относятся: законность, правовая определенность, запрещение произвола, доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах, соблюдение прав человека, равенство всех перед законом (пункты 2 и 3 раздела I, раздел VI) [7].

Полагаем, что анализ указанного Послания позволяет актуализировать дополнительные элементы верховенства права, в частности принцип пропорциональности при установлении законодательных запретов и ограничений в сфере прав и свобод личности. В данном Послании Конституционный Суд обратил внимание, что в современных сложных условиях введение ограничений и запретов для выполнения государством конституционных обязанностей не должно осуществляться законодателем произвольно, быть несправедливым и необоснованным. Соблюдение принципа пропорциональности при установлении запретов и ограничений позволяет достичь баланса между конституционными правами и свободами граждан и публичными интересами государства и общества. Любые ограничения конституционных прав и свобод должны не только быть юридически допустимыми, социально оправданными, но и отвечать требованиям справедливости, являться необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений (раздел VI) [7].

Принцип верховенства права находится также в поле зрения международных организаций и их органов, в частности Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), функционирующей под эгидой Совета Европы.

Верховенству права был посвящен специальный доклад, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии, состоявшейся в г. Венеция 25–26 марта 2011 года. В данном докладе рассматривался в том числе вопрос о содержании принципа верховенства права. На основе анализа правовой доктрины и национальных законодательств европейских государств Венецианская комиссия пришла к выводу, что в настоящее время можно найти консенсус в отношении необходимых составляющих верховенства права, которые будут не только формальными, но и субстантивными или материальными. Это следующие аспекты: (1) законность, в том числе прозрачный, подотчетный и демократичный процесс принятия законодательства; (2) правовая определенность; (3) запрет на произвол; (4) доступ к правосудию, обеспечиваемому независимыми и беспристрастными судами, в том числе судебное рассмотрение административных актов; (5) соблюдение прав человека; (6) недискриминация и равенство перед законом (пункт 41) [8].

Таким образом, на основе анализа нормативных правовых актов и доктринальных источников можно прийти к следующим выводам.

1. Верховенство права как межотраслевой юридический принцип обеспечивает не только строгую иерархию нормативных правовых актов и их согласованность, но и содержательную логику правовой системы государства на уровне норм и институтов. Верховенство права оказывает существенное воздействие и на формирование международного правопорядка.

2. Верховенства права является полисистемной категорией. Помимо прикладного юридического наполнения оно имеет политико-правовой и философско-идеологический аспекты. В двух последних качествах верховенство права оказывает воздействие на формирование государственных институтов, организацию политической системы государства в целом, а также на содержание социально-политической идеологии, господствующей в конкретном обществе.

3. Как полисистемная категория верховенство права включает в себя ряд элементов, выполняющих функции соподчиненных правовых принципов. К числу таких элементов относятся законность в нормотворчестве и правоприменении, правовая определенность юридических предписаний, запрещение произвола, доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах, соблюдение прав человека, равенство всех перед законом, а также пропорциональность при установлении юридических ограничений и запретов.

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь: научн.-практ. коммент. / Г.А.Василевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 487 с.
2. Платон. Законы // Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А.Ф.Лосева, В.Ф.Асмуса, А.А.Тахо-Годи / Аристотель. – М.: Мысль, 1944. – 830, [1] с.
3. Аристотель с. 467, 481) (Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А.И.Доватура / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.

4. Виноградов, В.А. Правовое государство и верховенство права: теоретические конструкции и реализация [Электронный ресурс] / В.А.Виноградов // Закон. – 2013. – № 12 / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

5. Dicey, A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution / A.V.Dicey [Reprint. Originally published: 8th ed. – London: Macmillan, 1915]. – Indianapolis: LibertyClassics, 1982. – CXLVIII, 436 p.

6. Зорькин, В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций / В.Д.Зорькин / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

7. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2011 году: Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь Палате представителей и Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-26033>. – Дата доступа: 14.01.2022.

8. Доклад о верховенстве права утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия). – Режим доступа: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2011)003rev-rus). – Дата доступа: 14.01.2022.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Басалай В.И. Распространение сведений в глобальной компьютерной сети интернет неустановленным лицом.....	3
Воробьёва А.А. Право граждан на участие в нормотворческой деятельности местных органов власти	7
Глухарев Д.А. Электронная демократия в Республике Беларусь: структурные элементы, направления развития	11
Дворко К.Ю. Право на охрану здоровья в умном городе.....	15
Девятковская К.В. Некоторые вопросы разграничения административного правонарушения и преступления.....	17
Жуковская Ю.А. Защита прав национальных меньшинств в Республике Беларусь	22
Жуковская Ю.А. Правовое обеспечение принципа недискриминации в отношении инвалидов в Республике Беларусь	24
Збицкий А.Ю. Правовой статус Президента Республики Беларусь в проекте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь	28
Игнатенко А.С. Конституционная обязанность защиты государства: сравнительно-правовой анализ правовых моделей воинской обязанности на примере государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности	32
Каспирович-Шумак А.А. Теоретические подходы к формированию и развитию правового института информационных ресурсов	37
Кузьменкова Т.Н. Отдельные теоретико-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности граждан Республики Беларусь в условиях глобализации.....	42
Литвинчук Д.Ю. Административное приостановление деятельности как перспективный вид административного взыскания за правонарушения в сфере охраны и использования вод	47
Луговская Ю.В. К вопросу о классификации амнистий.....	51
Малецкая В.Н. Приобретение гражданства в порядке натурализации: влияние мировых тенденций на совершенствование законодательства Республики Беларусь	56
Себа С.С. Актуальные проблемы правоприменения норм законодательства об опеке и попечительстве	60
Стояков К.И. Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов как элемент нормотворческой деятельности.....	64
Сухопаров В.П. Правовые основы регулирования интернета	66
Тиковенко О.А. Реализация принципа субсидиарности в положениях проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь для всенародного обсуждения.....	70
Чигринова Н.С. К вопросу о содержании конституционного принципа верховенства права	75